F 67/121

121

Н 07/121

Изъ „Моск. Медиц. Газеты“ 1877 года.

СРАВНЕНІЕ
МЕДИЦИНЫ АЮРВЕДЪ
СЪ
МЕДИЦИНОЮ ГИППОКРАТИДОВЪ.

Б. П. Делоне.

МОСКВА.
1877.

Изъ „Моск. Медиц. Газеты“ 1877 г.

Сравненіе медицины Аюрведъ съ медициною Гиппократидовъ.

Бесѣда I.

Мы избрали предметомъ нашей бесѣды сравненіе двухъ древнихъ медицинскихъ школъ: школы Индусовъ и школы Эллиновъ. Школа Индусовъ оставила намъ письменные памятники подъ названіемъ Аюрведъ. Хотя есть и другой медицинскій писатель древнихъ Индусовъ — Чарака, но мы предпочли взять Аюрведы, ибо считаемъ Аюрведы древнѣе сочиненія Чараки. Эта древность Аюрведъ доказывается уже тѣмъ, что въ Аюрведахъ хотя имѣются ссылки на разныхъ другихъ медицинскихъ авторовъ, нигдѣ не упоминается о Чаракѣ. Слѣдовательно Чарака существовалъ позже лицъ писавшихъ Аюрведы.

Какъ въ Аюрведахъ, такъ и у Гиппократидовъ постоянно ссылаются на болѣе древнюю медицину, до нихъ когда-то существовавшую. Но какая была эта древняя медицина, болѣе древняя, чѣмъ сами Аюрведы—неизвѣстно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ самыхъ древнихъ эпохъ появленія человѣчества на земномъ шарѣ появилась и возможность страданій разнаго рода у приматовъ. Какого рода были наичаще появ-

97
107

лявшіяся страданія въ эти отдаленныя эпохи, намъ это осталось неизвѣстнымъ. Мы можемъ только предполагать, что у первыхъ людей патологическія явленія были по преимуществу травматическаго свойства. Едва ли въ эту отдаленную эпоху существовали всѣ тѣ разнообразныя формы болѣзней, которыя намъ извѣстны теперь. Отчасти это доказывается уже тѣмъ, что тѣ только первые люди достигали своего совершеннолѣтія, которые въ младенчествѣ представляли наилучшія условія крѣпкаго здоровья, крѣпкаго тѣлосложенія. Все слабое умирало въ раннемъ возрастѣ. А потому люди, достигнувшіе совершеннолѣтія, должны были отличаться особеннымъ здоровьемъ, особою выносливостью. Вслѣдствіе этого первыя страданія первыхъ людей, по преимуществу, должны были отличаться травматическимъ характеромъ. Страданія эти очевидно были естественнымъ послѣдствіемъ борьбы за существованіе. Эти страданія, или лучше сказать, эти увѣчья, наносимы были или животными, современными первому человѣчеству, или самими людьми въ борьбѣ другъ съ другомъ. Подтвержденіемъ такого предположенія могутъ служить остатки раненыхъ череповъ людей каменнаго періода. Такимъ образомъ г. Брокà удалось до извѣстной степени воспроизвести исторію бывшей сквозной раны черепа женщины кроманьонскихъ троглодитовъ и исторію другой раны—раны бедренной кости старика той же эпохи. На основаніи слѣдовъ васкуляризаціи въ краяхъ пробитой кости черепа женщины, Брокà имѣлъ право предположить, что несчастная эта женщина страдала послѣ нанесенія раны по крайней мѣрѣ дней пятнадцать.

Но кромѣ страданій чисто травматическаго свойства есть данныя, говорящія въ пользу того, что вѣроятно извѣстны были въ эту эпоху и страданія костей

въ отсутствіи всякаго раненія. Это подтверждается замѣчательными остеофитами берцовыхъ и бедренныхъ костей, часто встрѣчаемыхъ у животныхъ допотопныхъ: у мамонта, у допотопнаго оленя и т. д.

Итакъ, болѣзни давно были извѣстны человѣчеству, хотя эти болѣзни и были болѣе простаго вида, были болѣе травматическаго свойства, чѣмъ тѣ, которыя стали появляться у людей позднѣе, по мѣрѣ развитія культуры.

Понятное дѣло, что всякаго рода страданія должны были вызывать въ тѣхъ или другихъ людяхъ, болѣе развитыхъ чѣмъ ихъ современники, желаніе помочь этимъ страданіямъ. Явился опытъ; а онъ развилъ людей опытныхъ въ дѣлѣ вспомоществованія страдающему человѣчеству. Однимъ словомъ, появилась первая медицина.

Какого рода была эта медицина — намъ остается неизвѣстнымъ, какъ неизвѣстно и то, до какой степени цивилизаціи могли достичь первыя, правильно развившіяся человѣческія общества, собравшіяся въ стройныя государства.

Одно только замѣчательно: это то, что какъ Эллины, въ лицѣ Гиппократа, такъ и Индусы въ Аюрведахъ постоянно толкуютъ о когда-то существовавшей болѣе древней медицинѣ. Они относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ этой древней, къ несчастію утраченной медицинѣ. Эта медицина, очевидно, не принадлежала къ медицинѣ троглодитовъ, людей каменнаго вѣка. Эта медицина была сложнѣе и совершеннѣе, нежели простое знаніе людей каменнаго періода— какъ перевязывать раны и какъ прикладывать къ нимъ древесные листья. Замѣчаніе Цельса, что у Гомера въ Иліадѣ врачи преимущественно заняты перевязкою ранъ, а не проявляютъ никакой медицинской дѣятельности при появленіи чумы въ станѣ Ахайскомъ,

это замѣчаніе Цельса совершенно вѣрно. Но если Махаоны и Подалиры ограничивались только десмургіей, а не являлись врачами-терапевтами, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобы болѣе сложныя свѣдѣнія древней медицины не существовали не только въ эту эпоху, но еще до Троянской войны. Миѳъ о смерти Асклепія, пораженнаго громомъ, указываетъ уже на то, что Асклепію приписывалось больше знанія въ медицинѣ, нежели простое умѣніе перевязывать раны, и что именно это-то излишнее знаніе, по понятіямъ тогдашняго человѣчества, и было причиною пораженія Асклепія громомъ разгнѣваннаго Зевса.

Но тогда естественно спросить: откуда же взялась эта древняя медицина? Гдѣ она создавалась? Гдѣ процвѣтала до возникновенія эллинской цивилизаціи? Сами Греки на это отвѣчаютъ—на Востокѣ.

Востокъ, какъ страна свѣта, есть понятіе условное. Индія для Китая есть западъ; но для Грековъ она необходимо будетъ всегда и неуклонно востокомъ.

Изъ числа Гиппократидовъ, тотъ Гиппократъ, который по справедливости носитъ названіе Великаго, однимъ словомъ, Гиппократъ—современникъ Платона, Гиппократъ Косскій, которому безъ сомнѣнія должны быть приписаны главныя и лучшія сочиненія цикла гиппократическаго, въ книгѣ своей о древней медицинѣ Περὶ ἀρχαῖης ἰητρικῆς относится къ древней медицинѣ, до него существовавшей, съ глубокимъ уваженіемъ.

„Медицина, говоритъ онъ, давно обладаетъ всѣмъ *необходимымъ*, она давно обладаетъ началомъ и методомъ, ею найденными; съ этими руководителями совершены были въ длинномъ рядѣ вѣковъ многочисленныя и прекрасныя открытія, и остальное со временемъ будетъ открыто, если люди способные, научившіеся въ древнихъ открытіяхъ, возьмутъ эти открытія за исходную точку своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій".

Итакъ, послѣдуемъ совѣту Гиппократа: отыщемъ по возможности то, что̀ сохранилось отъ болѣе древней медицины, чѣмъ медицина самихъ Гиппократидовъ. Для этого обратимся туда же, куда постоянно обращались и Греки, не только Гиппократиды, но и болѣе древніе Греки, такъ напр. Пиѳагоръ. Однимъ словомъ, обратимся къ тому же Востоку, т.-е. къ Индіи.

Изъ громадной священной литературы, оставшейся отъ древнихъ Индусовъ, носящей названіе Ведъ, замѣчательное мѣсто занимаютъ такъ-называемые *Аюрведы*. По этимологіи это названіе указываетъ на ученіе о долголѣтіи, ибо *ayus* значитъ *aetas*, *longeritas*. Сочиненіе приписывается Сушрутѣ, сыну Visvamitrae и ученику Дганвантари. Прежде нежели перейдемъ къ сравненію взглядовъ Индусовъ на медицину этой отдаленной эпохи со взглядами на нее Эллиновъ или Гиппократидовъ, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о древности Аюрведъ. Нашлись люди, незнакомые ни съ санскритскою литературой, ни съ характеромъ самаго языка, которые легкомысленно позволили себѣ заподозрить древность Аюрведъ.

Но, совершенно соглашаясь съ знаменитымъ переводчикомъ Аюрведъ, Гесслеромъ, мы твердо убѣждены въ глубочайшей древности этого письменнаго памятника давно отжившаго народа. Вопервыхъ, доказательствомъ этой древности служитъ самый древній ведантическій слогъ и чисто ведантическія формы языка, которымъ написано все сочиненіе. Вовторыхъ, архаизмы, которыми испещренъ весь трактатъ. Втретьихъ, астрономическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ сочиненіи, даютъ возможность опредѣлить эпоху, когда писалось это сочиненіе. Но послѣднее обстоятельство даетъ такую громадную цифру лѣтъ, что мы не рѣшаемся ее высказать впредь до того времени, пока тщательно не изслѣдуемъ этого вопроса и не

опредѣлимъ путемъ математическаго анализа всевозможныя погрѣшности въ такомъ лѣтосчисленіи. Во всякомъ случаѣ эпоха, когда писались Аюрведы, предшествовала за нѣсколько десятковъ вѣковъ эпохѣ построенія пирамидъ Хеврена въ Египтѣ.

Но что же вы скажете, когда, читая этотъ древнѣйшій памятникъ человѣческой медицины, вы услышите, что Дганвантари постоянно дѣлаетъ ссылки на еще болѣе древнюю, до него существовавшую медицину; когда Дганвантари для подтвержденія своихъ словъ приводитъ цитаты изъ болѣе древней медицины въ стихотворной формѣ, въ видѣ такъ-называемыхъ *слокъ*, т. е. двоестишій?

Очевидно, что какъ Гиппократиды, такъ и ведантическіе писатели, ссылаясь на древнюю медицину, не имѣли въ виду медицину человѣчества каменнаго вѣка. То была не медицина; она стояла ниже тѣхъ врачебныхъ познаній, которыя мы встрѣчаемъ у нашихъ крестьянъ. Древняя медицина, на которую ссылаются обѣ школы,—ведантическая и эллинская,—была несравненно развитѣе. Она имъ оставила богатый матеріалъ свѣдѣній, совершенно уже выработанныхъ по всѣмъ отраслямъ медицины. Эта древняя медицина свидѣтельствуетъ о высокой степени цивилизаціи того времени, когда она развивалась. Но, когда это было, какъ звали этотъ народъ, въ которомъ эта древняя врачебная наука возникла, куда онъ дѣвался, когда онъ исчезъ и какъ онъ исчезъ, вотъ вопросы, которые остались и вѣроятно на всегда останутся неразрѣшимыми.

Въ настоящее время принято считать, что древнѣйшее человѣчество есть человѣчество каменнаго періода. Но, вопервыхъ: во всѣхъ ли странахъ, намъ извѣстныхъ, былъ одинъ каменный вѣкъ, или ихъ было періодически нѣсколько каменныхъ періодовъ?

Вовторыхъ, достаточно ли для развитія культуры разныхъ народовъ того восьмитысячнаго періода, нами считаемаго за періодъ временъ историческихъ?

Намъ извѣстно, что земля подвергалась неоднократно сильнымъ переворотамъ, такъ-называемымъ катаклизмамъ. Нѣкоторыя изъ этахъ катаклизмъ являются періодически. Принята теперь между прочимъ теорія Еймара, по которой черезъ 27000-й періодъ лѣтъ появляется потопъ, по очереди смывающій всю поверхность земнаго шара то отъ одного полюса, то отъ другаго. Слѣды такихъ періодическихъ потоповъ намъ указываютъ ерратическіе камни. Ихъ форма тѣмъ мельче и тѣмъ круглѣе, чѣмъ далѣе они наблюдаются отъ полюсовъ. Ихъ порода, несмотря на то, что наблюдается далеко отъ полюсовъ, напр. въ нашей средней и южной Россіи, принадлежитъ къ каменнымъ породамъ горныхъ кряжей полярныхъ. Причина такихъ періодическихъ потоповъ строго опредѣлена и есть естественное послѣдствіе вѣковаго перемѣщенія земной оси. Кромѣ этихъ періодическихъ катаклизмъ могутъ быть и случайные перевороты въ геологическихъ условіяхъ страны то отъ вулканическихъ причинъ, то отъ нептуническихъ. Какъ бы то ни было, въ такой странѣ смываются народы и ихъ образъ жизни. Отдѣльныя личности, случайно уцѣлѣвшія тамъ и сямъ, напуганныя, одичалыя, легко становятся людьми съ нравами и обычаями каменнаго вѣка. Насколько легко человѣкъ дичаетъ и можетъ пріобрѣсть разныя способности человѣка каменнаго вѣка, мы имѣемъ тому многіе примѣры. Стóитъ вспомнить исторію англійскаго матроса Селкирка, оставленнаго на островѣ, вполнѣ одичавшаго и сдѣлавшагося до того дикимъ звѣремъ, что ни чѣмъ не уступалъ въ ловкости, настойчивости и кровожадности любому хищнику: волку, рыси и т. п. Онъ легко догонялъ

дикихъ козъ по скаламъ, перекусывалъ имъ шею и питался совершенно какъ хищникъ.

При совершившейся катаклизмѣ иногда всѣ слѣды цивилизаціи исчезали безслѣдно и невозвратно. Но случалось и такъ, что въ числѣ уцѣлѣвшихъ лицъ уцѣлѣли и люди съ крѣпкимъ характеромъ и твердою волей. Если оставалась послѣ катаклизмы хоть одна пара такихъ лицъ (мужчина и женщина), то разумѣется уцѣлѣвшій старикъ передавалъ своему потомству сказаніе о когда-то бывшихъ лучшихъ временахъ. И этотъ разсказъ становился преданіемъ. Эти отголоски давно минувшей эпохи мы встрѣчаемъ и въ Аюрведахъ.

Итакъ, мы предполагаемъ, что каменныхъ періодовъ въ разныхъ странахъ было нѣсколько. Что ихъ было столько сколько было переворотовъ. Что такъ какъ періодическіе перевороты случаются чрезъ 27000 лѣтъ, то минимумъ для развитія полной цивилизаціи необходимъ періодъ во всякомъ случаѣ продолжительнѣе нашихъ 8000 лѣтъ исторіи. Что мы напрасно кичимся знаніемъ исторіи *всего человѣчества*. Въ сущности мы знаемъ исторію только вчерашняго человѣка.

Вѣроятно было нѣсколько разъ достигаемо человѣчествомъ до высокой степени культуры, и затѣмъ, какъ бѣлка въ колесѣ, человѣчество снова начинало свой циклъ развитія, начиная съ каменнаго періода.

Мы вполнѣ сознаемъ насколько наша мысль не придется по вкусу людямъ вѣрующимъ въ безконечный прогрессъ. Но что дѣлать, это наше искреннее и твердое убѣжденіе, что все на свѣтѣ имѣетъ свое начало, совершеннолѣтіе или *асте* развитія, затѣмъ наступаетъ обветшалость и исчезновеніе. Будемъ ли изслѣдовать клѣточку, основу нашихъ тканей, мы встрѣтимъ ее юною, потомъ зрѣлою; наконецъ вмѣсто прогресса видимъ регрессивный періодъ, *necrobiosis*

Вирхова и затѣмъ исчезновеніе. То же самое видимъ съ самимъ человѣкомъ; то же самое дѣлается съ коллективною единицей—цѣлымъ человѣчествомъ данной эпохи.

Вотъ поэтому-то и интересны намъ отголоски отдаленнаго прошлаго, когда-то жившаго до насъ человѣческаго общества.

Тіянъ-Шанъ со своими высокими террасами, постепенно подымающійся въ небеса, представлялъ особенно удобную мѣстность для спасенія отъ водъ во время послѣдняго переворота. И вотъ, у подножія этихъ терассъ, появились въ отдаленную эпоху люди въ замѣчательной степени образованные. Они сознавали свою образованность, и потому называли себя образованными—Аирія, въ отличіе отъ другихъ одичалыхъ людей ихъ окружавшихъ, которыхъ они называли анаирія—необразованными. Но произошелъ разладъ въ самомъ племени Аиріевъ, и они раздѣлились на два враждебные лагеря. Одна половина направилась на югъ, перевалила черезъ Гималай и распространилась мало-по-малу по Индостану.

Насколько племенной разрывъ между двумя племенами Аиріевъ былъ глубокъ, видно изъ того, что все то, что у южно-гималайскихъ Аиріевъ считалось предметомъ достойнымъ обожанія, у сѣверо-гималайскихъ Аиріевъ было предметомъ проклятія и ненависти. *Дева*, божественный, дивный у Санскритовъ, является у Зендовъ въ формѣ *daiwho*, дьявола, духа нечистаго. И наоборотъ: все, что почиталось и уважалось у сѣверо-гималайскихъ Аиріевъ, было въ пренебреженіи у Аиріевъ южно-гималайскихъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые предметы остались общими въ уваженіи того и другаго народа. Такъ напр. зендскій *Гаомо* и санскритскій *Сома* пользовались одинаковымъ уваженіемъ у обоихъ народовъ. Разница только та, что по ученію

Зарат'густры, Гаомо есть какой-то Θεάνθροποσ, котораго благочестивые люди употребляютъ въ снѣдь, а онъ, Гаомо, остается вѣчнымъ. У Санскритовъ тотъ же *Гаомо* или *Сома* является уже фармацевтическимъ препаратомъ священнаго растенія *Сома*, asclepias vincetoxicum. Эта разница между двумя понятіями объ одномъ и томъ же предметѣ для насъ характеристична. Она указываетъ, что понятіе чисто религіозное Зендовъ было съ теченіемъ времени искажено Санскритами. Чисто духовныхъ, религіозныхъ свойствъ *Гаомо* Зендовъ санскритскіе жрецы не поняли и поспѣшили придать своей *Сома* разныя наркотическія и токсическія свойства посредствомъ соковъ извѣстныхъ растеній. Этотъ случай съ *Гаома* весьма характеристиченъ для дальнѣйшаго объясненія древней медицины Индусовъ. Уже современники Сушруты не въ состояніи были безъ руководителя понимать древней медицины.

Наши современники желаютъ по-своему истолковать ученіе этой древней медицины, разсматривая сквозь свои теперешніе близорукіе очки, и, конечно, часто грубо ошибаются. Такъ напр. весьма часто приходится встрѣчать такой взглядъ нашихъ современниковъ, что древняя медицина была достояніемъ храмовъ и жрецовъ, изъ личнаго разсчета этихъ послѣднихъ. Стараются увѣрить, что служители древнихъ храмовъ Индіи, Египта и даже Эллиновъ были заинтересованы скрывать отъ простаго народа свои познанія для упроченія своихъ доходовъ. И что только благодаря Эллинамъ, а именно Гиппократидамъ, сорвана была таинственная завѣса съ медицины, обнародованы были ея тайны, обобщены ея свѣдѣнія, и что только благодаря этому обобщенію медицина двинулась впередъ. Едва ли такой взглядъ будетъ

вѣренъ. Эллины смотрѣли на медицину какъ на нѣчто священное.

Гиппократъ говоритъ:

„Тѣ, которые первые открыли медицину и употребили въ своихъ изысканіяхъ хорошую методу и правильное разсужденіе, и которые съумѣли приложить свои выводы къ природѣ человѣка, подумали, что подобное знаніе можетъ быть приписано только какому-нибудь божеству; и подобное мнѣніе существуетъ какъ мнѣніе освященное“.

Въ другомъ мѣстѣ Гиппократиды сравниваютъ медицину съ обрядомъ священнаго гаданія, предсказыванія; ἰατρίκη по ихъ мнѣнію, равнозначитъ ἡμαντίκη. Наконецъ устройство самихъ врачебныхъ храмовъ, такъ-называемыхъ Асклепіевъ, со всею обрядовою частію, которой подвергались въ этихъ храмахъ больные, доказываетъ, что у Эллиновъ понятіе о медицинѣ тѣсно связано было съ понятіемъ о религіи, о священномъ культѣ. Больной приводился въ храмъ Эскулапа не иначе какъ приготовленный постомъ и молитвою, совершивъ извѣстныя жертвоприношенія, и оставлялся на ночь или въ святилищѣ храма, или въ извѣстныхъ мѣстахъ священной рощи, большею частію возлѣ журчащаго источника, или внутри священной пещеры. Тамъ больной засыпалъ и, смотря по тому или другому сновидѣнію, которое ему удавалось видѣть во время своего сна въ священныхъ мѣстахъ, жрецы назначали больному тотъ или другой методъ лѣченія. Въ случаѣ выздоровленія больные оставляли описаніе своей болѣзни при храмѣ, на таблицахъ деревянныхъ, восковыхъ, металлическихъ. Въ случаѣ наружнаго измѣненія отъ болѣзни въ формѣ частей тѣла снимались снимки и оставлялись изваянные препараты гипсовые или металлическіе, часто изъ золота страдавшей части тѣла. Такимъ образомъ собрался громадный клиническій матеріалъ: а) исторіи отдѣль-

ныхъ патологическихъ случаевъ и b) анатомо-патологическій музей. Какое употребленіе изъ этого богатаго матеріала сумѣли сдѣлать Гиппократиды—мы скажемъ далѣе въ своемъ мѣстѣ. Теперь пока обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что хотя Гиппократиды и не отрицали участіе боговъ въ излѣченіи нѣкоторыхъ формъ болѣзней, но далеко не смотрѣли на медицину какъ на священный обрядъ. Оставаясь на почвѣ философіи, Гиппократиды первые устремились отыскивать причины патологическихъ явленій въ самой природѣ. Тѣмъ не менѣе весь народъ эллинскій, а за нимъ и Римляне, охотно посѣщали храмы Эскулапа и тамъ подвергались всей обрядовой части, требуемой религіей.

У Индусовъ въ Аюрведахъ медицина является отдѣломъ религіи. И страннымъ образомъ въ этой индѣйской медицинѣ, при громадномъ количествѣ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ медицины, вы на всякомъ шагу встрѣчаетесь съ религіозными обрядами. Не было ни одной операціи хирургической, которая не имѣла бы характеръ священнодѣйствія. Какъ больной такъ и самъ врачъ обязаны были, задолго до операціи, приготовить себя цѣлымъ рядомъ религіозныхъ обрядовъ, — очиститься духовно и тѣлесно. Затѣмъ больной принималъ извѣстное положеніе относительно странъ свѣта (большею частію поворачивался лицемъ къ востоку). Наконецъ хирургъ, вооруженный инструментами, произносилъ рядъ молитвъ и заклинаній до момента операціи; часто онъ обязанъ былъ читать молитвы во время операціи и непремѣнно произносилъ заклинанія по окончаніи операціи. Всѣ Аюрведы испещрены заклинаніями подобнаго рода. Для примѣра приведемъ обрядъ вскрытія простаго нарыва. Въ главѣ V Sutrast'hana описывается, какъ хирургъ приготовивъ всѣ необходимые инструменты, и

заставивъ больнаго совершить разныя жертвоприношенія, усаживаетъ больнаго, повернувъ его лицемъ къ востоку; затѣмъ, схвативъ приспособленный къ дѣлу скальпель, вонзаетъ его до скопленія гноя и быстро вытаскиваетъ, дѣлая разрѣзъ въ два и три пальца длины. Приводится въ этомъ случаѣ замѣчательная *слока*, резюмирующая вкратцѣ правила вскрытія нарывовъ.

„Длинный, полный, ровно расщепленный, въ надлежащее время произведенный разрѣзъ похваляется. Восхваляется также сила, быстрота дѣйствія, острота ножа, отсутствіе пота, дрожанія и непоколебимость со стороны врача во время его дѣйствія скальпелемъ".

За тѣмъ описывается опрыскиваніе больнаго освященною водою; перевязавъ рану, хирургъ дѣлаетъ заклинаніе. Въ этомъ заклинаніи онъ призываетъ на своего больнаго покровительство Брагмы, убійцы Ракшасовъ. Хирургъ напоминаетъ разнымъ злымъ духамъ какъ-то: Нагамъ, Писачамъ, Гандіарвамъ, Питрамъ, Якшасамъ и Ракшасамъ, могущую на нихъ найдти погибель отъ всесильнаго Брагмы, если кто изъ нихъ осмѣлится нападать на его больнаго послѣ такого заклинанія. Далѣе заклинаніе призываетъ разныя божества покровительствовать его больному.

Подходитъ-ли акушеръ производить операцію поворота младенца въ утробѣ матери, онъ начинаетъ заклинаніемъ и оканчиваетъ также. Вникая во всю медицину индусовъ, постоянно видишь, что врачъ священнодѣйствуетъ. Многимъ теперь покажется, что это дѣлалось изъ желанія придать себѣ болѣе важности въ глазахъ народа. Ничуть не бывало. Сами врачи тогдашняго времени твердо вѣровали въ свою метафизическую этіологію болѣзней. Врачи этой эпохи находились постоянно подъ гнетомъ страха, что самая искусно-сдѣланная операція можетъ быть ском-

прометтирована со стороны агентовъ духа злобы. И вотъ главная причина, почему ведантическіе врачи принимали всѣ мѣры, которыя имъ предлагала ихъ религія, для огражденія какъ себя самихъ, такъ равно и своихъ больныхъ, отъ вліянія злыхъ духовъ. Этотъ взглядъ до того крѣпко легъ въ основаніи всей медицины индусовъ, что у нихъ медицина является совершенно религіознымъ цѣлымъ.

Итакъ воззрѣнія двухъ народовъ — индусовъ и эллиновъ—на медицину, была совершенно сходны между собою. Не такъ смотрѣли гиппократиды на искусство врачеванія. Они, подготовленные болѣе философскимъ воспитаніемъ, видѣли въ патологическихъ случаяхъ простыя явленія природы. Гиппократъ ясно выражаетъ свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ говоритъ, что всѣ болѣзни одинаково божественны, т.-е. на столько находятся въ зависимости отъ боговъ какъ и прочія явленія природы; произрастаніе растеній, метеорныя явленія снѣга, дождя, града и прочаго. А потому гиппократиды сразу встали на истинную точку зрѣнія относительно опредѣленія причинъ болѣзней; этихъ причинъ они искали только въ самой природѣ и нигдѣ болѣе. Вотъ первое и главное различіе ученія о медицинѣ индусовъ отъ ученія гиппократидовъ. Но въ объясненіе этихъ причинъ у гиппократидовъ легла гумморальная теорія, цѣликомъ взятая у тѣхъ же индусовъ, какъ мы увидимъ ниже.

Благодтря тому религіозному чувству, съ которымъ древніе индусы относились ко всѣмъ своимъ священнымъ книгамъ—Ведамъ, мы обязаны той степенью сохранности, въ какой до насъ достигли Аюрведы. При переписываніи этихъ священныхъ рукописей тщательно избѣгали всякой ничтожной ошибки, ибо это считалось преступленіемъ. А потому въ Аюрведахъ не

можетъ быть рѣчи ни объ интерполяціяхъ, ни объ искаженіи текста.

Не то мы видимъ въ собраніи книгъ цикла гиппократическаго. Уже ближайшіе его родственники, сынъ его Ѳессалъ, его зять Поливій, его внукъ и другіе оставили намъ цѣлые собственные трактаты, приписывая ихъ своему великому предшественнику и наставнику. Затѣмъ цѣлая фаланга переписчиковъ въ Александріи, и раньше еще въ Пергамѣ, позволяла себѣ измѣнять, дополнять, дѣлать вставки (интерполировать) въ оригинальномъ текстѣ. Вслѣдствіе сего уже во времена Галлена, да даже и раньше его, весьма трудно было очистить и возстановить въ первобытномъ видѣ текстъ самаго Гиппократа. Прибавьте къ этому незамѣнимую утрату цѣлыхъ отдѣловъ сочиненій собственно Гиппократа, и тогда понятно будетъ, какъ трудно по этимъ фрагментамъ опредѣлить окончательный выводъ по многимъ вопросамъ медицины согласно съ бывшимъ взглядомъ этой школы.

Гиппократъ великій главнымъ образомъ задался вопросомъ подводить однородныя страданія подъ одну группу. Вотъ почему у него является такое богатое изслѣдованіе царствующихъ болѣзней въ данную эпоху, въ данномъ мѣстѣ. Но его книги объ эпидеміяхъ мало общаго имѣютъ съ нашимъ понятіемъ объ эпидеміяхъ. Это, скорѣе, ученіе о повѣтріяхъ. Гиппократъ не гнался за точнымъ опредѣленіемъ одной формы болѣзни отдѣльнаго человѣка. Его интересовала возможность заболѣванія нѣсколькихъ особей даннаго народа, въ данное время. Онъ, можно сказать, былъ заинтересованъ состояніемъ здоровья цѣлаго народа цѣлой населенной области, а не индивидуальности. Поэтому его интересовали суммы однородныхъ явленій, а не отдѣльно взятая болѣзнь. Понятно, что

анатомія и физіологія у такого изслѣдователя были на второмъ планѣ.

Въ Аюрведахъ объектъ медицины опредѣляется такъ: лѣченіе больныхъ и сохраненіе здоровья у здоровыхъ. У Гиппократа совершенно тотъ же взглядъ относительно предмета медицины.

Аюрведы раздѣлены на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) Sutrasth'hana—книга объ основныхъ началахъ медицины, содержитъ 46 главъ. 2) Nidanast'hana—патологія, 16 главъ. 3) Sarerast'hana—ученіе о тѣлѣ человѣческомъ, соматологія — 10 главъ. 4) Chikitsitast'hana—терапія,—40 главъ. 5) Kalpast'hana—ученіе о ядахъ и противуядія,—8 главъ, и наконецъ, Uttaratantra—послѣдній трактатъ.

Всѣ сочиненія, входящія въ циклъ сочиненій гиппократидовъ, Литтре раздѣляетъ на слѣдующія IX группъ:

I. Сочиненія, несомнѣнно принадлежащія великому Гиппократу Косскому: 1) О древней медицинѣ. 2) Прогностика. 3) Афоризмы. 4) Эпидеміи 1-я и 3-я книги. 5) О гигіенѣ больныхъ при острыхъ болѣзняхъ. 6) О воздухѣ, водахъ и мѣстностяхъ. 7) О сочлененіяхъ. 8) О переломахъ. 9) О снарядахъ для вправленія переломовъ. 10) О ранахъ головы. 11) Присяга. 12) Законъ.

II. Сочиненія Поливія, зятя Гиппократа: 1) О природѣ человѣка. 2) О гигіенѣ людей здоровыхъ.

III. Сочиненія, принадлежащія Асклепіадамъ, эпохѣ, предшествовавшей Гиппократу: 1) Предвѣдѣнія Коакскія. 2) 1-я книга предсказаній.

IV. Сочиненія, сомнительныя относительно своего автора. Мнѣнія раздѣлились: принадлежатъ ли они Гиппократу самому, или его ученикамъ? Сочиненія эти: 1) О язвахъ. 2) О свищахъ и геммороидальныхъ опухоляхъ. 3) О священной болѣзни (падучей). 4) О

воздухѣ. 5) О мѣстахъ въ человѣкѣ. 6) О врачебномъ искусствѣ. 7. О гигіенѣ и о сновидѣніяхъ. 8.) О страданіяхъ. 9) О внутреннихъ страданіяхъ. 10) Первыя три книги о болѣзняхъ. 11) Отрывки о рожденіи семимѣсячнаго ребенка и о рожденіи восьмимѣсячнаго ребенка.

V. Книги, содержащія собраніе замѣтокъ и выписокъ: 1) 2-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я книги эпидемій. 2) О пріемной врача. 3) О влагахъ и 4) Объ употребленіи жидкостей. Авторъ этихъ сочиненій не извѣстенъ. По мнѣнію Галена 9-я книга эпидемій была написана сыномъ Гиппократа, Ѳессаломъ, равно какъ и книга о пріемномъ покоѣ врача.

VI. Эта группа, очевидно, принадлежитъ одному перу, но авторъ неизвѣстенъ: 1) О зарожденіи. 2) О природѣ младенца. 3 и 4-я книга болѣзней. 5) О женскихъ болѣзняхъ. 6) О болѣзняхъ дѣвушекъ. 7) О безплодныхъ женщинахъ.

VII. Книга. Авторъ неизвѣстенъ. Можетъ быть Леофанъ (?).

VIII. Сочиненія, писанныя послѣ Гиппократа: 1) О сердцѣ. 2) О пищѣ. 3) О основныхъ началахъ или о плоти. 4) О седьмицахъ. 5) 2-я книга предсказаній. 6) Отрывокъ о природѣ костей.

IX. Собраніе разныхъ трактатовъ, фрагментовъ, сборниковъ, непоименованныхъ никѣмъ изъ древнихъ комментаторовъ: 1) О врачѣ. 2) Благовоспитаніе. 3) Правила. 4) Объ анатоміи. 5) О прорѣзываніи зубовъ. 6) О вырѣзываніи утробнаго младенца. 7) О зрѣніи. 8) О природѣ женщины. 9) 8-е отдѣленіе афоризмовъ. 10) О природѣ костей. 11) О кризисахъ. 12) О критическихъ дняхъ. 13) О слабительныхъ.

X. Списокъ утраченныхъ сочиненій Гиппократа: 1) Объ опасныхъ ранахъ. 2) О стрѣлахъ и о ранахъ. 3) Малая книжка о болѣзняхъ.

XI. Апокрифы: 1) Письма и приговоры по случаю чумы. 2) Письма по случаю сумасшествія Демокрита. 3) Письмо Гиппократа къ сыну его Өессалу. 3) Рѣчи говоренныя по случаю войны Аөинянъ съ жителями острова Косса.

Всѣ дошедшія до насъ рукописи, приписываемыя Гиппократу Косскому, необходимо раздѣлить на слѣдующія группы: 1) На сочиненія Асклепіадовъ, предшествовавшихъ Гиппократу. 2) На сочиненія собственно принадлежащія Гиппократу. 3) На сочиненія его преемниковъ по крови и по наукѣ, сына его Өессала, зятя его Полибія и другихъ. 4) На сочиненія Книдской медицинской школы, соперницы школы Косской. 5) На сочиненія неизвѣстныхъ интерполляторовъ.

Мы назвали тѣ монографіи произведеніемъ школы гиппократидовъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ Косской школѣ. Но, такъ какъ самъ великій Гиппократъ былъ числомъ третій въ своей поколѣнной росписи, то блескъ его имени равно распространялся какъ на его предшественниковъ, такъ и на его потомковъ. А по этому, хотя названіе «гиппократиды» грамматически не точно и не относится столько къ предшественникамъ Гиппократа сколько къ его потомкамъ; но принимая во вниманіе громадную славу, соединенную съ именемъ Гиппократа, мы, подъ названіемъ «гиппократиды», хотѣли выразить всѣхъ родичей Гиппократа, какъ по восходящей, такъ и по нисходящей степени, принимавшихъ несомнѣнно прямое участіе въ созданіи и въ поддержкѣ медицинской Косской школы.

Литтре, въ своемъ изданіи, въ послѣднихъ томахъ отказался, измѣнилъ свое мнѣніе насчетъ многихъ книгъ Гиппократа, которыя въ 1-мъ томѣ онъ считаетъ за апокрифическія. Такой перемѣнѣ способство-

вали работы Даремберга и Зишеля. Благодаря добросовѣстнымъ трудамъ этихъ ученыхъ, мы многое можемъ себѣ уяснить въ оцѣнкѣ оставшихся твореній Эллинской медицинской школы. Они не явились безцеремонными памфлетистами какъ Шпренгель и Линкъ, рубившими съ плеча на лѣво и на право; они обращались съ дошедшими до насъ фрагментами древности съ полнымъ уваженіемъ, со строгою критикой, но при этомъ—съ критикой полной добросовѣстности, и съ глубокимъ знаніемъ дѣла.

Такимъ образомъ, мы не можемъ не согласиться съ Sichel, что Литтре и древніе комментаторы напрасно включили въ число сомнительныхъ сочиненій книгу о зрѣніи περὶ ὄψιος. Sichel, которому поручилъ Литтре просмотрѣть книгу о зрѣніи и назначить ей слѣдуемое мѣсто въ циклѣ гиппократическихъ сочиненій, не колеблясь приписываетъ ее или самому Гиппократу, или, во всякомъ случаѣ, лицамъ близко стоявшимъ къ Гиппократу. Мы тѣмъ болѣе спѣшимъ присоединиться къ мнѣнію Sichel'я, что мы встрѣтили поразительное сходство между взглядами этой книги и взглядами выраженными въ послѣднемъ отдѣлѣ Аюрведъ Uttarantra, относительно формъ заболѣванія органа зрѣнія и нѣкоторыхъ методовъ лѣченія болѣзней глаза. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Сознаемъ всю трудность вывести полное и основательное заключеніе о взглядахъ гиппократидовъ по многимъ вопросамъ, вслѣдствіе утраты многихъ изъ сочиненій этой школы. Тѣмъ не менѣе, пользуясь тѣмъ что до насъ достигло, мы попробуемъ сравнить взгляды греческой медицинской школы со взглядами Индусовъ. Съ этою цѣлью мы раздѣлимъ наше изслѣдованіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) Значеніе врача у Индусовъ и у Эллиновъ. 2) Основныя понятія тѣхъ и другихъ объ анатоміи, физіологіи и антропологіи. 3)

Хирургія, акушерство и офталамітрія 4) Терапія. 5) О нервныхъ болѣзняхъ.

Врачемъ, по понятіямъ Аюрведъ, могъ быть только происходящій изъ извѣстныхъ кастъ. А именно изъ трехъ колѣнъ брагмановъ, изъ двухъ колѣнъ Кшатріевъ и затѣмъ, изъ касты Вайшіевъ. Требовалось отъ ученика не только безпорочное устройство тѣла, но и безупречная нравственность. Онъ долженъ былъ имѣть извѣстную степень образованія. За тѣмъ ученикъ, до посвященія, подготовлялся тѣломъ и духомъ. Обязанъ былъ совершить рядъ жертвоприношеній. Наконецъ, по извѣстному ритуалу, обносился вокругъ ученика трижды огонь, и врачъ произносилъ слѣдующее увѣщаніе своему будущему ученику.

„Отнынѣ ты обязуешься навсегда оставить влюбчивость, сварливость, жадность, глупость, дерзость, гордость, зависть, жестокость въ обращеніи, предательство, тунеядство, жадность до наживы. Ты обязуешься всегда имѣть короткіе ногти и волосы, быть одѣтымъ въ чистое и благоухающее платье. Необходимо стараться заявлять свое уваженіе Брагмарирамъ, склоняя передъ ними свою главу. Отнынѣ ты обязуешься вполнѣ себѣ усвоивать мой образъ мышленія, мою манеру стоять, мою походку, какъ я сплю, какъ сажусь, какъ ѣмъ, какъ читаю, и стремиться къ тѣмъ полезнымъ вещамъ, къ которымъ и я стремлюсь. Если-же иначе будешь жить, напрасна и безплодна будетъ твоя наука и не достигнешь славы. Я же въ свою очередь, если, въ то время какъ ты будешь праведно жить, позволю себѣ что иначе тебѣ указывать, то навлеку на себя грѣхъ и да будетъ тогда безплодна моя наука“.

„Обязательно лѣчить нашими лѣкарствами брагмановъ, гуровъ, бѣдныхъ, отшельниковъ, когда они къ намъ подходятъ кланяясь, наклоняя свое тѣло, равнымъ образомъ обязаны мы пользовать приходящихъ къ намъ праведныхъ мужей, мужей не деспотовъ, равно какъ и нашихъ родичей. Это дѣло праведно. Но не слѣдуетъ врачевать охотниковъ, птицелововъ, злодѣевъ, грѣшниковъ. Такимъ образомъ наука да имѣетъ полный блескъ и врачъ да имѣетъ доступъ къ друзьямъ, къ славѣ, добродѣтели, богатствамъ и любви. Sutrast'hara Dwitiyadhyaya, p. 7. editio Caleuta, 1836).

У гиппократидовъ ученикомъ медицины, а затѣмъ врачемъ, могъ быть, по преимуществу, членъ изъ семейства одного изъ врачей. Тамъ тоже проводилась идея касты, хотя и не такъ строго, какъ у Индусовъ. Но за то, на чемъ главнѣйшимъ образомъ настаивали гиппократиды, это на томъ, чтобы ученіе медицины начиналось съ самаго ранняго возраста. На это мы имѣемъ прямыя указанія. Во первыхъ въ книгѣ подъ заглавіемъ νόμος *законъ*, говорится слѣдующее въ § 2.

„Назначенный человѣкъ для пріобрѣтенія дѣйствительныхъ познаній въ медицинѣ обязанъ въ себѣ соединять слѣдующія условія: природное расположеніе, ученіе, приспособленное мѣсто; *ученіе съ дѣтства*: любовь къ труду, долгое прилежаніе. Все напрасно, если насиловать природу; но когда сама природа выбираетъ лучшій путь для ученика, тогда начинается преподаваніе медицинскаго искусства, которое себѣ усвоиваетъ ученикъ путемъ размышленія, въ томъ случаѣ, если онъ сталъ ученикомъ *съ дѣтства*, и если онъ помѣщенъ въ приспособленное мѣсто.“ И т. д.

Далѣе тамъ, въ § 3 говорится; что «ученіе медицины начатое *съ дѣтства*, это есть посѣвъ сдѣланный въ надлежащее время года».

Въ παραγγελίαι въ § 13, говорится съ упрекомъ о тѣхъ, которые поздно начали учиться медицинѣ. Гиппократъ отрицаетъ у нихъ опытное знаніе, и не совѣтуетъ слѣдовать ихъ мнѣніямъ, считая ихъ за мнѣнія пустыя, основанныя на одной теоріи, при отсутствіи всякой практики.

Требованія гиппократидовъ, чтобы врачъ имѣлъ извѣстныя качества, совершенно согласны съ требованіями Аюрведъ. Гиппократиды также требовали, что-

бы врачи не гонялись за наживой; не дѣлали бы изъ вопроса о гонорарѣ главнаго и существеннаго вопроса своей дѣятельности. Ибо тогда высокое врачебное искусство перестаетъ быть искусствомъ, а становится ремесломъ; и знаніе перестаетъ быть предметомъ науки, а дѣлается предметомъ торговли и получаетъ значеніе товара.

Такъ, напр. въ παραγγελίαι гиппократиды въ § 4 говорятъ о томъ, что:

„Не должно заботиться объ условіи платы за лѣченіе, ибо мы думаемъ, что подобная забота вредна для больнаго“, и далѣе сказано: „быстрота болѣзни, лишая возможности возобновлять лѣченіе, обязуетъ врача себя уважающаго, не столько хлопотать о своей личной пользѣ, сколько заботиться о своей славѣ. Лучше имѣть случай дѣлать упреки людямъ, которыхъ вы спасли, чѣмъ обдирать людей находящихся въ опасности“.

Далѣе въ § 6 тамъ же говорится между прочимъ слѣдующее: „Я предлагаю не слишкомъ доводить до крайности алчность, и принимать во вниманіе состояніе и средства больнаго; подчасъ оказывайте вашу помощь безплатно, выставляя предлогомъ для этого или воспоминаніе какого-нибудь вашего долга, или представляя больному предлогомъ вашего безплатнаго лѣченія, желаніе пріобрѣсть славу. Если случится помогать чужестранцу, или бѣдняку, то тогда въ особенности обязанъ врачъ явиться съ своей помощью. Ибо тамъ, гдѣ есть любовь къ людямъ, тамъ будетъ и любовь къ наукѣ“.

Эти незабвенныя строки замѣчательны уже потому, что онѣ совершенно совпадаютъ съ величайшимъ ученіемъ, провозглашеннымъ когда-либо на землѣ, съ ученіемъ о любви къ ближнему въ притчѣ о бѣдномъ Самарянинѣ.

Понятно, почему въ древности истинные врачи пришли къ такому заключенію. Ибо уже тогда они приходили въ столкновеніе съ шарлатанами, которыхъ и

у Аюрведовъ, и у гиппократидовъ бичуютъ безпощадно. Эта мысль, намъ кажется, и лежала въ основаніи извѣстной замкнутости всего древняго медицинскаго ученія. Врачебное искусство вручалось только людямъ, нравственно испытаннымъ и не давалось каждому встрѣчному.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ продолжать нашихъ выписокъ для характеристики древняго врача, за недостаткомъ времени и мѣста. Ограничимся послѣдней выпиской изъ Аюрведъ, изъ его отдѣла, называемаго Sutrast'hana гл. IV, гдѣ охарактеризованъ шарлатанъ и, параллельно съ этимъ мѣстомъ, выпишемъ нѣсколько словъ изъ νόμος гиппократидовъ

Слока:

„Какъ оселъ, влачащій ношу цвѣтовъ Syrii myrtifolii, сознаетъ только тяжесть своей ноши, но не сознаетъ что эта ноша есть растеніе Syrius myrtifolius, такъ равно и люди, читающіе (шастры) научныя руководства, но глупые, непонимающіе значенія выводовъ научныхъ, влачатъ, на подобіе ословъ, тяжелую свою ношу“. И далѣе другая слока „Ограничивающійся только чтеніемъ одной доктрины не постигнетъ значенія науки. И такъ, самый ученый врачъ тотъ, который постигнетъ всю науку. Тотъ врачъ, который какъ можно чаще пользуется наукою, звучащею изъ устъ своего наставника, и который эту науку глубоко уважаетъ— тотъ врачъ дѣло дѣлаетъ. Поступающіе иначе—разбойники.

Между врачами у Индусовъ были разныя степени. Такимъ образомъ, врачъ долголѣтней святой жизнью, постоянною молитвою и постомъ, постояннымъ созерцаніемъ міра, доходилъ до степени брагмаршира. Тутъ немаловажную роль играло знаменитое ведантическое Сома. Посредствомъ принятаго сока этого растенія древніе Индусы думали имѣть возможность изгнать изъ человѣческаго тѣла все нечистое путемъ рвоты и другихъ испражненій. Главнымъ обра-

зомъ они надѣялись этимъ путемъ изгнать изъ человѣческаго организма всѣхъ возможныхъ паразитовъ. Они твердо вѣровали что тотъ, кто могъ вынести на себѣ подобную операцію, представлялъ обновленный организмъ и черезъ это получилъ новыя свойства, не присущія обыкновеннымъ людямъ. Такой брагмарширъ получалъ даръ прозорливости. Онъ, по понятіямъ Индусовъ, видѣлъ сквозь землю, какъ сквозь чистый хрусталь, все что содержитъ въ своихъ нѣдрахъ мать сыра-земля; всѣ ея богатства, серебро и злато, драгоцѣнные каменья, водные ключи, и проч. Но уже никакое богатство не могло дѣйствовать на его душу до половины принадлежащую не здѣшнему міру. Таковъ былъ Дганвартари, къ такому святому мужу, понятно, не могла толпа учениковъ имѣть свободнаго доступа какъ къ обыкновенному учителю. Вотъ причина, почему Сушрута является въ Аюрведахъ посредникомъ между учениками и брагмарширомъ Дганвантари. Онъ передаетъ вопросы учениковъ Дганвантари, а отъ сего послѣдняго—отвѣты ученикамъ.

Итакъ: званіе врача высоко было поставлено какъ у Индусовъ, такъ и у Эллиновъ. Не даромъ сказано въ заключительныхъ словахъ νόμος о медицинѣ:

„Священныя дѣла могутъ быть открыты только людямъ святымъ. Запрещается ихъ открывать кому-бы то ни было, пока человѣкъ не будетъ посвященъ въ таинства науки“.

Бесѣда II.

Мы остановились на опредѣленіи значенія врача какъ у Индусовъ, такъ и у Эллиновъ, основываясь на томъ, что̀ высказано по этому предмету какъ въ Аюрведахъ, такъ и у Гиппократидовъ.

Въ сегоднешней бесѣдѣ мы постараемся сравнить ученіе объ анатоміи, физіологіи, общей патологіи и

хирургіи обѣихъ древнихъ школъ — Индусовъ и Греческой.

Но на первыхъ же порахъ мы вынуждены сознаться, что свѣдѣнія анатомическія, физіологическія и общепатологическія, въ оставшихся письменныхъ памятникахъ этихъ двухъ древнихъ школъ крайне скудны, сбивчивы и часто наивно неправильны.

Еслибы мы вывели заключеніе по однимъ этимъ источникамъ о степени познанія, въ названныхъ отдѣлахъ медицины древнихъ Индусовъ и Эллиновъ, то мы жестоко бы ошиблись.

Такъ напр. въ книгѣ Sarirast'hana въ Аюрведахъ вся остеологія ограничивается огульнымъ перечисленіемъ всего количества костей, встрѣчающихся въ человѣческомъ тѣлѣ. То же самое мы находимъ и у Гиппократидовъ въ книгѣ Περὶ ὀστέων, простое перечисленіе костей. Нѣтъ и подобія описанія отдѣльной кости. Между тѣмъ какъ тотъ же Гиппократъ подробно приводитъ названія отдѣльныхъ частей такой-то и такой-то кости въ книгѣ о переломахъ и вывихахъ. Мало того: Гиппократъ жестоко смѣется надъ однимъ своимъ современникомъ - врачемъ, не съумѣвшимъ отличить при вывихѣ локтеваго сочлененія capitulum radii отъ olecranon ulnae. О сосудахъ то же самое поверхностное описаніе и сравненіе сосудистой системы съ развѣтвленіемъ дерева мы встрѣчаемъ какъ въ Аюрведахъ, такъ и у Гиппократидовъ, съ тою только разницей, что въ Аюрведахъ начало развѣтвленія сосудовъ полагалось въ полости живота, вокругъ пупка, а у Гиппократидовъ полагали начало сосудовъ въ головѣ. Остальное все въ томъ же рудиментарномъ видѣ.

При такой скудости анатомическихъ свѣдѣній въ книгахъ древней медицины, поразительно богатство анатомическихъ познаній, встрѣчаемыхъ у другихъ

авторовъ болѣе древней эпохи чѣмъ Гиппократиды, а именно: у древнихъ поэтовъ, у Гезіода и у Гомера. Происходитъ ли раненіе воина во время сраженія— описывается подробно и въ высшей степени точно мѣсто, куда попало лезвее копья или меча, или стрѣлы. Примѣровъ тому въ Илліадѣ и въ Одиссеѣ пропасть: смерть Гектора, избіеніе жениховъ Одиссеемъ, и т. д.

Слѣдовательно задолго до Гиппократидовъ Эллины обладали большимъ запасомъ анатомическихъ свѣдѣній. То же самое можно сказать и про Индусовъ. Въ ихъ соматологіи скудость анатомическихъ данныхъ; а въ другихъ отдѣлахъ при описаніи хирургическихъ болѣзней васъ поражаетъ полнота этихъ же анатомическихъ свѣдѣній. То же самое мы должны сказать и объ ученіи физіологіи и общей патологіи. Въ отдѣлахъ, трактующихъ ex professo объ этихъ предметахъ, встрѣчаемъ только ничтожные намеки. Въ другихъ отдѣлахъ васъ поражаетъ богатство свѣдѣній.

Отчего происходитъ такое явное противорѣчіе? Если глубже вникнуть въ дѣло, то отвѣтъ намъ будетъ весьма простъ. Отъ гоненія со стороны тогдашняго человѣчества противъ всего того, что̂ могло напомнить занятіе анатомическое. Это отчасти было обусловлено тѣмъ, что древнее человѣчество ближе стояло къ тому страшному времени, когда первое человѣчество занималось антропофагіей. А поэтому страхъ и отвращеніе позднѣйшаго общества къ антропофагамъ переносились и на анатомовъ. До чего, напримѣръ, Эллины были предубѣждены противъ занятія анатоміей даже надъ животными, мы это видимъ въ Исторіи Демокрита и его согражданъ Абдеритянъ. Потому только, что этотъ мудрецъ удалился въ пещеру для анатомическихъ изслѣдованій, Абдеритяне сочли его за умалишеннаго, и пригласили

Гиппократа пріѣхать къ нимъ и излѣчить ихъ знаменитаго гражданина.

Понятна послѣ этого причина, почему древніе писатели старались уклоняться отъ подробнаго изложенія анатоміи и физіологіи. Они боялись нареканія своихъ современниковъ. Но тѣмъ не менѣе анатомія и физіологія несомнѣнно тогда уже существовали, чему имѣемъ доказательства въ разбросанныхъ свѣдѣніяхъ въ разныхъ твореніяхъ, на первый взглядъ не имѣющихъ ничего общаго съ медициной, напримѣръ въ эпическихъ произведеніяхъ.

Разсматривая подробнѣе анатомическія свѣдѣнія Аюрведъ и цикла Гиппократидовъ, невольно поражаешся не только сходствомъ, но даже тождествомъ во взглядахъ обѣихъ школъ. Это въ особенности замѣчательно при сравненіи ихъ ошибочныхъ толкованій по одному и тому же вопросу. Напр. артеріи хотя извѣстны были какъ Индусамъ, такъ и Эллинамъ, но артеріи принимались обѣими школами за сосуды, не содержащіе крови, а за сосуды пустые. Равно и сердце; его четыре полости превосходно были извѣстны, особенно Гиппократидамъ; тѣмъ не менѣе полости лѣвой половины сердца считались пустыми, не содержащими крови. Очевидно, что подобная ошибка происходила отъ того, что какъ врачи, такъ и жрецы при жертвоприношеніяхъ имѣли случай наблюдать только убитыхъ животныхъ; а стало-быть при условіяхъ такихъ, когда трудно было застать артеріальную кровь въ ея вмѣстилищѣ. Вивисекціи надъ животными и людьми, производимыя Герофиломъ и Еразистратомъ, происходили въ болѣе позднее время, а именно въ I вѣкѣ до Р. Хр., въ царствованіе Птоломея Сотера. Стало-быть застать кровь въ артеріяхъ и въ лѣвомъ желудочкѣ сердца могли врачи гораздо позднѣйшей эпохи.

Но такъ какъ уже тогда, а именно въ древнія времена до Гиппократидовъ, существовало ученіе о томъ, что нѣтъ абсолютной пустоты въ природѣ, то и артеріи, а равно и лѣвыя полости сердца хотя и не содержали, по ихъ понятіямъ, крови, но содержали, по ихъ же понятіямъ, особое вещество—*эѳиръ*. Мы остановимся на ученіи древнихъ объ *эѳирѣ*, ибо, какъ далѣе увидимъ, это ученіе легло въ основаніе не только всей тогдашней физіологіи, но главное—всей патологіи и терапіи.

Чтобы вѣрнѣе понять нѣкоторые взгляды древнихъ, необходимо познакомиться съ ихъ міросозерцаніемъ; иначе легко намъ впасть въ грубыя ошибки и придти къ ложнымъ заключеніямъ. Вторгаться въ міръ древнихъ съ нашими предвзятыми взглядами есть вещь непростительная. Ибо легко можетъ случиться съ нами то, что̀ случилось съ учеными мужами, о которыхъ упоминаетъ В. Ф. Миллеръ въ своей диссертаціи. Они объяснили фабулу о проглоченной перепелкѣ волкомъ, освобожденной потомъ изъ пасти звѣря Асвинами, чередованіемъ дня и ночи и т. п. Подобный трудъ весьма легкій; и нѣтъ той вещи, которой бы нельзя было объяснить произвольнымъ толкованіемъ. Какъ ни трудно, но необходимо стараться стать на точку зрѣнія человѣчества той эпохи, которую вы изслѣдуете.

Обѣ школы полагали, что все существующее, въ особенности существующіе организмы произошли отъ трехъ началъ: теплаго, сухаго и влажнаго. Подъ именемъ сухаго они понимали землю и все подходящее по своему виду къ землянымъ частицамъ. Подъ именемъ влажнаго древніе принимали воду, какъ прототипъ всего влажнаго и все, что̀ уподоблялось водѣ какъ жидкости, слѣдовательно соки и проч. Подъ

именемъ теплаго они понимали не огонь, какъ думаютъ нѣкоторые комментаторы, а—*эѳиръ*.

Объ эѳирѣ въ Аюрведахъ говорится часто, но собственно о его свойствахъ говорится не много. Въ книгѣ *Sarirast'hana* Аюрведъ говорится, что главный источникъ всего существующаго есть—Высшее Божество, невидимое, самобытное Swayambhu. Отъ него истекаетъ главное начало всего сотвореннаго. Отъ сего главнаго начала истекаетъ новое начало—Несотворенный Anankara, самопроизводящій. Это новое начало имѣетъ тройственный видъ, а именно оно является: преобразующимъ, просвѣщающимъ и наконецъ производящимъ стихіи, элементы. Далѣе Индусы предполагали, что отъ сочетанія дѣятельности духа просвѣщающаго съ духомъ производящимъ произошли пять основныхъ свойствъ, а изъ этихъ, въ свою очередь, произошли пять элементовъ: *эѳиръ*, *воздухъ*, *огонь*, *вода* и *земля*.

Дальше въ Аюрведахъ приписывается *эѳиру* способность сочетать между собою раздѣленные атомы и раздѣлять составившіеся аггрегаты на первоначальныя ихъ составныя части.

Гиппократиды принимали, какъ мы сказали выше, три начала: теплородъ, сухое и влажное, и предполагали, что отъ взаимодѣйствія этихъ трехъ началъ произошли всѣ существующіе организмы. Такое ученіе было извѣстно Платону, Алкмеону, Архелаю, Анаксимену, Эмпедоклу, Парменидy и Зенону Елейскому.

Болѣе точное опредѣленіе понятія Гиппократидовъ объ эѳирѣ мы встрѣчаемъ въ книгѣ Περὶ σαρκῶν въ § 2, гдѣ говорится слѣдующее:

„То, что мы называемъ (теплотою) тепломъ, есть начало безсмертное, всевѣдущее, всевидящее, всеслышащее, вѣдающее настоящее и будущее. Когда все смѣшалось, наибольшая часть теплаго удалилась къ окружной по-

верхности. *Это то, что древніе*, какъ мнѣ кажется, *называютъ эѳиромъ*".

Въ другомъ мѣстѣ у тѣхъ же Гиппократидовъ, а именно въ книгѣ Περὶ καρδίης трактатѣ о сердцѣ, говорится слѣдующее въ § 6 τὸ γὰρ ἐμφυτον πῦρ οὐκ ἐν τῇ σεξιῇ, т.-е. «ибо природный огонь (тепло) не въ правомъ (желудкѣ сердца)». А въ § 1 тамъ же говорится, что околосердечная сумка наполнена жидкостью не только для приспособленія движенія сердца, но: ἔχει σὲ τὸ ὕγρασμα ὁκόσον μάλιστα καὶ πυρευμένη ἄκος, т.-е. «эта жидкость (въ околосердечной сумкѣ) въ такомъ количествѣ, сколько слѣдуетъ для умѣренія жара сердца».

Далѣе въ § 11 говорится: „что лѣвый желудочекъ сердца не питается пищей, ни питьемъ, происходящими изъ утробы, но питается чистымъ и свѣтящимся выдѣленіемъ изъ крови".

Итакъ Гиппократиды предполагали, что въ лѣвомъ желудочкѣ помѣщался *эѳиръ*, иначе называемый—*тепло*, или прирожденный *огонь*, получавшійся въ видѣ excreta изъ крови, самосвѣтящійся, чистый. Далѣе, по ихъ понятіямъ, этотъ эѳиръ было вещество всюду проникающее, сознающее или, лучше сказать, вѣдущее.

На первый поверхностный взглядъ все это покажется какимъ-то миѳологическимъ бредомъ, ничего не имѣющимъ общаго съ истинными понятіями о физіологіи. И почтенные мои сотоварищи упрекнутъ меня въ томъ, что я отнимаю у нихъ драгоцѣнное время для выслушанія древнихъ басенъ.

Полно, басни ли—это отдаленное сказаніе? Что же, спросятъ меня, вы вѣрите въ эѳиръ древнихъ, въ пребываніе этого эѳира въ лѣвомъ желудочкѣ сердца? не только я, но и вы, многоуважаемые товарищи, раздѣляете, не сознавая того, то же самое ученіе древнихъ объ эѳирѣ. Постараюсь это доказать.

При современномъ ученіи явленій физическихъ нѣтъ

уже мѣста толкамъ о теплотѣ, о свѣтѣ, объ электричествѣ и т. д., какъ о какихъ-то проблематическихъ тѣлахъ, да еще въ добавокъ тѣлахъ невѣсомыхъ. Съ счастливой руки Грове, это ученіе, блиставшее на страницахъ прежнихъ учебниковъ, давно сдано въ архивъ отжившихъ свое время идей. Теперь принято и доказано какъ опытомъ и наблюденіями, такъ главное—математическимъ анализомъ, что всѣ явленія теплоты, свѣта, электричества, химическаго сродства, даже тяготѣнія (Секки) суть различныя свойства особой міровой среды, находящейся въ состояніи колебанія, вибраціи. Среда получила названіе міроваго эѳира. Колебанія этого эѳира изучены подробно относительно направленія волнъ, ихъ размаха, скорости колебанія и проч. Всѣ данныя вычислены со всею математическою точностію. Что эта гипотеза объ эѳирѣ въ наше время стоитъ на твердой почвѣ, тому имѣемъ краснорѣчивое доказательство въ совершившемся открытіи въ области оптики. Какъ Лёверье, сидя въ своемъ кабинетѣ съ карандашомъ въ рукѣ, съумѣлъ путемъ математическаго анализа открыть цѣлый новый мірокъ въ видѣ отдаленной планеты; опредѣлить форму, объемъ, вѣсъ этой планеты; съумѣлъ опредѣлить и вычислить ея путь и ея скорость и послать въ Берлинъ изъ Парижа телеграмму, прося направить трубу въ ту точку, гдѣ, по его вычисленію, долженъ былъ быть Нептунъ; такъ точно Гамильтонъ, путемъ вычисленій, сидя за письменнымъ своимъ столомъ, совершилъ открытіе конической рефракціи, опредѣлилъ всѣ условія ея проявленія, и все это сообщилъ Ллойду, который опытомъ подтвердилъ выводъ, полученный анализомъ. Подобная возможность совершать открытія, основываясь на извѣстной теоріи, подтверждаетъ истинность теоріи.

Итакъ, теперешняя теорія эѳира стоитъ твердо на

ногахъ. Эта теорія говоритъ между прочимъ, что явленія теплоты, свѣта, электричества и химизма атомовъ зависятъ отъ скорости колебанія эѳира. Медленнѣе всего колебанія эѳира при явленіяхъ тепловыхъ; скорѣе при явленіяхъ свѣта и еще скорѣе при явленіяхъ электрическихъ. Слѣдовательно, при отсутствіи эѳира невозможно допустить ни явленій теплоты, ни явленій свѣта, ни явленій электрическихъ, ни явленій химическихъ. И наоборотъ: вездѣ, гдѣ наблюдаются подобныя явленія, тамъ необходимо допустить присутствіе эѳира.

Мы, врачи, говоримъ, что въ лѣвое предсердіе, а оттуда въ лѣвый желудочекъ сердца притекаетъ изъ легкихъ кровь артеріальная. Физіологически мы опредѣляемъ артеріальную кровь, какъ кровь окисленную въ легкихъ, поглотившую извѣстное количество кислорода изъ воздуха въ легкихъ, при чемъ совершилось нѣчто въ родѣ сгаранія (напр. высшее окисленіе пульмонатовъ, мочевыхъ соединеній и проч.); при этомъ развивается такое-то количество тепла. Итакъ, артеріальная кровь лѣваго желудочка является жидкостью, отличающеюся отъ крови венозной цвѣтомъ своимъ, химическимъ составомъ и увеличенною теплотой. Но выше мы сказали: гдѣ теплота, тамъ и вибрація эѳира. Мало того, гдѣ химическій процессъ, тамъ тоже вибрація эѳира.

Эта артеріяльная кровь, разносимая по всему организму, способствуетъ цѣлому ряду весьма сложныхъ химическихъ и физическихъ явленій въ процессѣ метаморфоза тканей, въ процессѣ жизни клѣточки. Но эта же кровь, какъ намъ всѣмъ врачамъ извѣстно, есть необходимый стимулъ для функцій нервной системы. Сами нервныя функціи, въ принципѣ, суть не что иное, какъ проявленіе разныхъ электрическихъ

токовъ. Въ свою очередь электрическія явленія суть ни что иное, какъ колебанія *эѳира*.

Съ другой стороны, по принятой нынѣ всѣми теоріи Мейера объ ученіи энергіи, необходимо допустить, что эта энергія, пріобрѣтенная артеріяльной кровью въ легкихъ путемъ окисленія, въ формѣ потенціальной энергіи, разносится по всему организму и въ разныхъ точкахъ организма превращается въ энергію кинетическую.

Далѣе ученіе Сѣченова и другихъ физіологовъ о рефлексахъ, если утвердится, то много психическихъ функцій будетъ объясняемо различными комбинаціями токовъ въ нервныхъ снарядахъ, и такимъ образомъ послѣднее свойство эѳира, по понятіямъ древнихъ, а именно — свойство сознавательное — также подтвердится.

Итакъ, фатальнымъ образомъ мы возвращаемся къ древнему ученію, которое, на первый взглядъ, намъ могло показаться миѳомъ, ребяческимъ лепетомъ.

Метафизика древнихъ многими не понята. Такимъ образомъ сплошь и рядомъ встрѣчаешь у новѣйшихъ комментаторовъ произведеній древняго эпоса такое толкованіе: будто древніе полагали мѣстонахожденіе психическихъ функцій на грудобрюшной преградѣ. Эта ошибка комментаторовъ, очевидно, произошла отъ извѣстнаго гомерическаго выраженія ἐν φρενεσσὶ ἔχοντα, гдѣ слово φρένες необходимо перевесть «*въ мысляхъ*», въ то время какъ первоначальное значеніе φρένες есть «*причалы*», *канаты, которыми привязывались корабли у пристани*. Потомъ φρένες значило грудобрюшная преграда. Но, очевидно, что Гомеръ, при употребленіи φρένες со значеніемъ мысли, принималъ φρένες какъ нижнюю по-

верхность грудной клѣтки. Ибо въ другихъ мѣстахъ Гомеръ помѣщаетъ разумъ прямо въ полости грудной:

„Если же кто изъ боговъ меня ввергнетъ въ Черное море,
Вытерплю, ибо имѣю въ своихъ персяхъ многотерпѣливый духъ“.

Наконецъ есть мѣста у Гомера, гдѣ онъ прямо полагаетъ мѣстопребываніе духа у человѣка въ сердцѣ:

„И тогда ослабѣли у Одиссея его колѣна и его любезное сердце.
Заохавши, такъ онъ сказалъ своему великому духу“....

Что касается до Гиппократидовъ, то, не смотря на вышеприведенное ихъ ученіе объ эфирѣ сознающемъ, помѣщающемся въ лѣвомъ желудочкѣ сердца, у нихъ уже тогда существовало ученіе о появленіи сознанія въ головномъ мозгу. Такимъ образомъ Гиппократиды въ своемъ трактатѣ о священной болѣзни περὶ ἱερῆς νουσοῦ въ § 14. говорятъ, что всѣ радости, всѣ удовольствія и всѣ горести происходятъ въ мозгу. Καὶ τούτῳ φρονεῦμεν καὶ νοεῦμεν. «Имъ-то (т.-е. мозгомъ) мы думаемъ и разсуждаемъ», и т. д.

Для насъ гораздо важнѣе ученіе объ эѳирѣ, какъ объ основаніи физіологическихъ функцій. Такимъ образомъ разныя функціи физіологическія объяснялись дѣятельностію эѳира; напр, процессъ пищеваренія, развитія тепла и т. д. Въ особенности ученіе объ эѳирѣ, какъ объ источникѣ тепла въ организмѣ имѣло громадное вліяніе нетолько на школу Гиппократидовъ, но и на послѣдующія медицинскія школы. Этотъ эѳиръ, по понятіямъ древнихъ, приходилъ въ раздраженное состояніе при всякомъ нарушеніи равновѣсія во взаимномъ отношеніи основныхъ жидкостей.

Ученіе объ основныхъ жидкостяхъ, а именно *кровь*, *желчь* и *флегма* (собственно слизь), цѣликомъ взято

изъ Аюрведъ. Въ Аюрведахъ на всякомъ шагу встрѣчаешь ученіе объ этихъ основныхъ жидкостяхъ и о ихъ взаимодѣйствіи. У Гиппократидовъ возвышеніе температуры въ лихорадкахъ и въ горячкахъ объяснялось именно усиленною дѣятельностію раздраженнаго теплорода θερμοῦ или эѳира τοῦ αἰθεροῦ. Это раздраженіе эѳира продолжалось до тѣхъ поръ, пока его усиленною дѣятельностію не выводился вонъ изъ организма избытокъ той или другой влаги, причинившей болѣзнь. Но такъ какъ, по ихъ понятіямъ, это вывожденіе изъ организма вреднаго избытка не могло совершиться иначе, какъ путемъ переработки самаго вредящаго вещества усиленною дѣятельностью эфира, то само собою явилось у Гиппократидовъ ученіе de coctione, перевариваніи вреднаго вещества. Затѣмъ естественно основалось ученіе о времени, потребномъ для этого перевариванія вреднаго начала; ученіе о критическихъ дняхъ, и наконецъ о формѣ, въ какой совершалось это выдѣленіе изъ организма вредящаго начала, т. е. ученіе о самихъ кризисахъ.

Нѣкоторые кризисы совершались выдѣленіями потомъ, мочей и кровотеченіемъ. Другіе — отлагали переваренное вредное начало въ видѣ гнойныхъ скопищъ. Появилось ученіе объ абсцессахъ простыхъ и о метастазахъ.

Далѣе Гиппократиды и ихъ послѣдователи допускали, что разгорячение эѳира могло доходить до степени ожоги. Такимъ образомъ старались пояснить появленіе различныхъ сыпей при сыпныхъ горячкахъ; различныхъ антраксовъ, фликтенъ и т. п.

Замѣчателенъ послѣдній взглядъ на сыпи—съ одной стороны по своей глубокой древности происхожденія, съ другой стороны—по долгому своему существованію въ болѣе позднія эпохи. Не только въ

Аюрведахъ проповѣдывался тотъ же взглядъ на сыпи; но и у народовъ семитическихъ. Мы, напр., встрѣчаемъ въ Книгѣ Исхода, въ Пятокнижіи Моисея, названіе, соотвѣтствующее греческому φλυκτᾶιναι, французскому выраженію *ébullition;* а именно *schehin abehebuhoth.* При описаніи египетской язвы въ книгѣ Исхода говорится, что, какъ домашнія животныя, такъ и люди покрылись этой schehin abehebuhoth. Слово abehebuhoth происходитъ отъ древняго халдейскаго глагола *buha*, закипѣлъ, вскипѣлъ, ebullivit. Слѣдовательно собственно язва *ошпаренная*, или *воспаленная*. У Орибаза разныя выписки изъ Галлена, Аретея и другихъ, указываютъ на такой взглядъ врачей, при которомъ предполагалось, что извѣстнаго рода накожныя сыпи, въ особенности пузыри, углевики и огневики, происходили отъ ожоги внутреннимъ жаромъ. Таже идея была раздѣляема и арабскими врачами. Этому, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ взглядъ перваго врача, описавшаго оспу—араба Разеса (Mahommed—Ebn—Secharjah—Abou—Bekr — Arrasì). Въ своемъ трактатѣ объ оспѣ и о кори, Разесъ ссылается на два мѣста у Галлена. Одна изъ этихъ двухъ цитатъ взята изъ Галленовскаго трактата XIV книги о пульсѣ: *et eo usque pervinit prae inflammationis excessu, ut cutem combyrat, ac tandem in ea coflnentur variolae, et anthrax pestilens.* (In initione tractatus decimi quarti libri: De pulsu). Другое мѣсто приводится изъ Галлена Разесомъ, а именно IX книга *de usu membrorum*, гдѣ тоже говорится объ ожогѣ кожи, происходящей отъ внутренняго жара.

Мы съ своей стороны приведемъ изъ сборника Орибаза (т. IV стр. 509) мѣсто, тоже взятое у Галлена, гдѣ пергамскій врачъ еще сильнѣе выражается

въ отношеніи возможности ожоги кожи внутреннимъ жаромъ.

Все мѣсто это до слова ζέοντος сохранилось только въ сборникѣ Орибаза и утрачено въ собраніи сочиненій сохранившихся отъ самого Галлена. См. прим. Даремберга ibid. т. IV p. IX.

„Углевики происходятъ тогда, когда кровь, сдѣлавшись атрабильярною и, такъ сказать, кипучею, совершенно обжигаетъ кожу“.

Вся разница взгляда Разеса отъ взгляда Галлена и греческой школы состоитъ въ томъ, что Разесъ кромѣ возвышенной температуры въ произведеніи волдырей, пузырчатой сыпи, углевиковъ и самихъ оспинъ, признаетъ еще участіе сильнаго броженія органическихъ соковъ — крови и др. — въ организмѣ больнаго.

Ipsae variolae sunt illo fervefactio et ebullitio, quae excitari solet in musto in illo fervoris tempore. (Rhazes, Caput. I. Переводъ съ арабскаго на латинскій языкъ, по порученію доктора Мида, двумя переводчиками: Соломономъ Негри Дамаскинъ, и Іоанномъ Ганьеръ, профессоромъ арабскаго языка. Арабскій подлинникъ доставленъ былъ знаменитымъ Боергавомъ).

„Сами оспины суть не что иное, какъ вышеозначенные пузыри, обыкновенно образующіеся при броженіи и кипѣніи въ суслѣ, когда оно начинаетъ бродить“.

Такъ-какъ въ самыя древнія времена, при ученіи происхожденія болѣзней отъ нарушенія пропорціональности соковъ, при ученіи о кризисахъ, при ученіи о разрѣшеніи болѣзней опорожненіемъ организма отъ избытка вредныхъ соковъ — per excretionem et secretionem — долженъ былъ необходимо возникнуть методъ выведенія соковъ, *methodus evacuans*, то пер-

вое, что представилось тогдашнимъ врачамъ — это было кровопусканіе.

Нельзя не признать величайшей храбрости со стороны того перваго врача до-Аюрведовской эпохи, который, изъ желанія помочь страданію своего ближняго, рѣшился вскрыть вену и совершить первое кровопусканіе. Позднѣйшія операціи какъ бы ни были отважны, до оваріотоміи включительно, предполагали бо́льшую подготовку, болѣе ясное понятіе объ анатоміи и физіологіи, и потому не представляли тѣхъ страшныхъ моментовъ, которые долженъ былъ испытать первый врачъ, рѣшившійся сдѣлать разрѣзъ въ венѣ у живаго человѣка. Но, очевидно, и этотъ человѣкъ не необдуманно поднялся на такое дѣло, и венесекція явилась плодомъ долгихъ соображеній и многихъ наблюденій, приведшихъ наконецъ перваго венесектора къ рѣшимости. Во всякомъ случаѣ, имя этого гиганта по своему характеру — давность временъ отъ насъ сокрыла.

Можно весьма естественно предположить, что первое звено въ ряду наблюденій, приведшихъ къ кровопусканію первыхъ врачей, было естественное кровотеченіе изъ разныхъ полостей: изъ носа, задняго прохода, матки и т. д. Затѣмъ, вѣроятно, наблюдались облегченія разныхъ страданій, зависящихъ отъ гипереміи органовъ черепныхъ, грудныхъ, брюшныхъ, полученныя случайнымъ присасываніемъ піявокъ въ священныхъ прудахъ древнихъ храмовъ Индіи во время купанія больныхъ. Во всякомъ случаѣ въ Аюрведахъ весьма подробно описаны какъ піявки, такъ и способъ ихъ употребленія. Но, вѣроятно, были случаи, гдѣ, при ясномъ показаніи на приставленіе піявокъ, таковыхъ въ данной мѣстности не имѣлось, и вотъ, старались ихъ замѣнить насѣчками, *scarrificationes*. При насѣчкахъ, для извлеченія крови, сначала употреблялъ врачъ свой собственный ротъ; но скоро ротъ замѣнили изобрѣтеннымъ снарядомъ, состоявшимъ изъ рога, имѣющаго полость и два отверстія. Одно отверстіе, болѣе широкое, было уже устроено въ каждомъ рогѣ самою природою. Оставалось шлифовкой притупить слишкомъ острые края этого отверстія. Другое отверстіе просверливалось въ тонкомъ концѣ того же рога, большею частью съ боку, и снарядъ былъ готовъ. Приставляли такой снарядъ къ мѣсту, гдѣ были сдѣланы насѣчки и, взявъ тонкій конецъ рога въ ротъ, высасывали, вытягивали воздухъ, и спѣшили залѣпить верхнее отверстіе кускомъ воска. Это то, что не только въ Аюрведахъ и у Гиппократидовъ, но и у насъ, въ русскомъ народѣ, называлось собственно «рожки». Но, кромѣ рожковъ, уже въ Аюрведахъ было извѣстно употребленіе банокъ, помощью сожиганія растительныхъ волоконъ, заключенныхъ въ полость банки. Эти банки у Индусовъ были металлическія. У Гиппократидовъ банки эти были или бронзовыя, или стеклянныя. Но Гиппократъ ясно говоритъ, что у женщинъ и у дѣтей, у стариковъ—вообще у людей робкихъ — лучше употреблять рожки, чѣмъ банки, въ которыхъ дѣйствіе огня легко пугало больныхъ.

Невольно вспомнишь сложныя банки Jarlandière'a, съ разными внутренними машинами для насѣчекъ, и съ воздушнымъ насосомъ для разрѣженія воздуха; или теперешнія модныя банки съ гуттаперчевымъ балономъ.

Каждый изъ теперешнихъ изобрѣтателей разныхъ видовъ bdellomètr'овъ, пренаивно думаетъ, что его мысль, есть мысль новая. Между тѣмъ, эта мысль прикладывалась къ дѣлу въ глубокой древности.

При употребленіи насѣчекъ легко могла быть поранена вена вслѣдствіе первоначальнаго незнанія

анатоміи. Рана вены давала быструю струю, и навела невольно на мысль производить венесекцію.

Какъ бы то ни было, но во времена Аюрведъ, при скудости анатомическихъ свѣдѣній, собственно въ отдѣлѣ анатоміи — въ Sarirast'hana — васъ поражаетъ превосходное знаніе венозной системы и ея функціи въ отдѣлѣ о кровопусканіи, *глава 8*, въ той же Sarirast'hana. То же самое встрѣчаемъ мы и у Гиппократидовъ, съ тою только разницею, что венесекція несравненно подробнѣе разобрана у Индусовъ. При описаніи точекъ, гдѣ можно вскрывать вену, у Индусовъ, кромѣ венъ локтеваго сгиба, ручной кисти, такъ - называемаго соколка (Venae Salvatellae), ножныхъ венъ, шейныхъ, лобныхъ, лицевыхъ, подъязычныхъ, описывается еще особый modus operiendi при венесекціи изъ сплетенія тыльной поверхности предплечія; при чемъ верхняя конечность загибалась на голову самаго паціента такъ, чтобы онъ могъ захватить своею же рукою свою голову, и при этомъ бинтъ накладывался на голову такъ, чтобы воспрещать обратному кровеобращенію по венамъ предплечія. Вена вскрывалась между повязкой и ручной кистью. Вообще, при накладываніи повязки до кровопусканія и послѣ кровопусканія, изложены подробно правила, ничѣмъ не уступающія нашей современной хирургіи. Такимъ образомъ они отлично знали, что должно перетянуть бинтомъ между мѣстомъ, назначеннымъ для укола ланцетомъ и сердцемъ. Они отлично знали, что повязка должна была быть ни слишкомъ слаба, ни слишкомъ затянута для успѣшнаго кровопусканія. Они превосходно знали причины неудачной венесекціи. Saignée blanche, экстравазатъ подъ кожу и, что удивительнѣе всего, при ихъ ложномъ понятіи объ артеріяхъ, они отлично знали, что при кровопусканіи ex vena mediana легко было ранить arteriam brachialem и произвести такимъ образомъ anevrysma diffusum.

Итакъ, мы незамѣтно подошли къ хирургіи. Вслѣдствіе внимательнаго изученія древнихъ памятниковъ врачебнаго искусства, мы выработали твердое убѣжденіе въ томъ, что хирургія въ Исторіи Медицины задолго предшествовала терапіи.

Бесѣда III.

Прошлый разъ мы остановились на опорожняющемъ методѣ лѣченія, methodus evacuans, именно на общемъ кровопусканіи.

Кромѣ піявокъ и банокъ и кромѣ венесекціи, Индусы и Эллины часто прибѣгали къ насѣчкамъ, скарификаціямъ опухшихъ частей. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчателенъ ихъ способъ лѣченія воспаленія соединительной оболочки глаза. Но объ этомъ нами будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Къ числу евакуативныхъ средствъ древніе относили и способъ отвлекающій; различнаго рода моксы, прижиганія, и т. д.

Въ Аюрведахъ ясно различаютъ употребленіе *cauterii potentialis* отъ *cauterium actuale*. Въ Sutrast' hana Аюрведъ, въ XI главѣ, говорится подробно о приготовленіи ѣдкаго поташа и объ его употребленіи, а равно объ употребленіи огня.

Щелокъ, какъ прижигающее средство, Индусы употребляли въ трехъ различныхъ степеняхъ насыщенія: *слабый*, *средній*, *крѣпкій*. Для приготовленія этого щелока предписывалось врачу, очистившись заклинаніями и съ священными обрядами, срывать извѣстное растеніе *magna Bignonia indica caerulea* средняго возраста; сожигать ее во вновь сложенномъ изъ кирпичей очагѣ, и сожигать это растеніе вмѣстѣ съ дру-

гими растеніями, поименованными въ Аювердахъ. Полученную золу выщелачивали такимъ образомъ: брали золы *одну* дрону [1]) и смѣшивали ее съ *шестью* дронами воды, или, по нашему вѣсу R. (золы 48 фунтовъ, 4 унція, 2 драхмы и 8 гранъ, растворить въ водѣ, взятой въ количествѣ: 290 фунтовъ, 1 унціи, 4 драхмъ и 48 гранъ; или точнѣе: золы 24, 42016 kil., на 6265, 84 kil. воды, или на такое же количество мочи. Послѣ того вся масса кипятилась въ большомъ котлѣ при медленномъ помѣшиваніи помощью чашки. Когда растворъ становился прозрачнымъ, красноватымъ, ѣдкимъ, то происходилъ осадокъ (нечистотъ). Щелокъ процѣживался сквозь полотно; откидавалось все оставшееся на фильтрѣ и растворъ снова уваривался до половины. За тѣмъ въ этотъ щелокъ примѣшивалась зола изъ очага, служившаго для уварки щелока, толченыя раковины; вся масса выпаривалась, прокаливалась, растиралась въ желѣзной чашѣ, поспѣшно высыпалась въ желѣзный кувшинъ плотно закупоривающійся и сохранялась для употребленія.

Очевидно, что послѣ такого сильнаго пережиганія всѣ органическія вещества уничтожались и оставалась смѣсь ѣдкаго кали съ ѣдкою известью,—смѣсь намъ извѣстная и нынѣ часто употребляемая подъ именемъ pasta caustica viendobonensis.

Употребляли это прижигательное средство посредствомъ кисточки, съ прибавленіемъ малаго количества воды. Строго воспрещалось это средство употреблять у слабыхъ больныхъ, у стариковъ, женщинъ, дѣтей и вообще въ мѣстахъ нѣжныхъ,—въ органѣ зрѣнія, въ глоткѣ, и т. д.

---

[1]) Дрона=48+4+2+8
℔ ℥ ʒ gr.

Мы настойчиво описали способъ приготовленія этого прижигающаго средства у Индусовъ, съ намѣреніемъ показать высокую степень образованности древнихъ Индусовъ, знавшихъ дѣйствіе ѣдкаго кали, способъ его приготовленія и способъ его употребленія. Это средство Гиппократидамъ не было извѣстно.

За то Гиппократиды цѣликомъ унаслѣдовали отъ Индусовъ употребленіе, въ качествѣ escharroticum, мышьякъ въ трехъ его видахъ: бѣлый, красный и желтый; мѣдные препараты, въ особенности ярь мѣдянку, желѣзные препараты, сженый желѣзный купоросъ, сженые квасцы, и т. д.

Такъ напримѣръ для прижиганія различнаго рода наростовъ на крайней плоти дѣтороднаго члена, полиповъ въ носу, при вырѣзываніи геммороидальныхъ шишекъ, и вообще при лѣченіи язвъ и даже ранъ, если онѣ покрывались carne luxuriente, Гиппократиды употребляли извѣстное прижигательное средство подъ именемъ средства Карійскаго, составленнаго такимъ образомъ: (περὶ ἕλκων) hellebori nigri, arsenici rubri (σανδαράχῃσ), squammae cupri plumbi usti cum magna copia sulfuris, auripigmenti (sive arsenici flavi ἀρρενικοῦ), cantharidarum, olei aetherei cedri (ol. therebentin. laricine) q. s., чтобы образовалась жидкая масса. Этою смѣсью смачивался компрессъ, который накладывался прямо на мѣсто, назначенное для прижиганія. Сверху накладывалась губка, смоченная уксусомъ, и все укрѣплялось бинтомъ.

Здѣсь кстати надо замѣтить, что хотя Гиппократидамъ извѣстны были кантариды, но они ихъ никогда не употребляли въ качествѣ vesicantia, а гораздо чаще ихъ употребляли внутрь, при лѣченіи разныхъ болѣзней: при водянкѣ, въ желтухѣ, для открытія мѣсячнаго очищенія, и т. д.

Что касается употребленія cauterii actualis, то обѣ

школы, какъ Индусовъ, такъ и Эллиновъ, пользовались этимъ средствомъ гораздо чаще, чѣмъ наши современники. И это легко понять, если вспомнить, что cauterium actuale у древнихъ составляло, изо всей массы ими употребляемыхъ гемостатическихъ средствъ, единственно дѣйствительное средство для предотвращенія смерти отъ кровотеченія. Вслѣдствіе незнакомства ихъ съ артеріальною системой, лигатура артерій имъ была неизвѣстна. Но, кромѣ этого назначенія *qua haemostaticum* у нихъ cauterium octuale имѣло и другія цѣли. Его употребляли при уничтоженіи carnis fungosi, trachomatis palpebrarum, при лѣченіи вялыхъ язвъ, омертвѣній, отравленныхъ тѣмъ или другимъ ядомъ ранъ, уничтоженіи полиповъ, гемороидальныхъ опухолей, и т. д.

Но и въ этомъ отношеніи Аюрведы представляютъ болѣе богатый запасъ способовъ прижиганія, чѣмъ Гиппократиды. Въ Аюрведахъ отлично знали употребленіе прижиганій при различныхъ температурахъ. У нихъ, въ числѣ прижигающихъ средствъ, употреблялся кипятокъ и кипящее масло. Они очень хорошо знали употребленіе прижиганія на разстояніи, начиная съ производства простой красноты, до произведенія пузыря и даже до произведенія струпа. У нихъ, кромѣ различныхъ металлическихъ прижигалъ, употреблялись сильно нагрѣтые клыки и зубы разныхъ животныхъ, тигра, волка, гіэнны и т. д. Самыя металлическіе прижигалы въ Аюрведахъ описаны весьма разнообразной формы: оливкообразной, призматической и кольцеобразной. Они употребляли моксы изъ разныхъ растительныхъ волокнъ, въ особенности волокна хлопчатника, hossypium erioxylon. Подробно описаны самыя операціи прижиганій. Въ особенности замѣчательны разныя, ими придуманныя, specula для прижиганія въ различныхъ полостяхъ: рта, носа, ма-

точнаго влагалища и прямой кишки. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство, защищеніе стѣнокъ полости отъ дѣйствія прижигала, тоже весьма тщательно разработано и у Гиппократидовъ.

Какъ Индусы, такъ и Эллины употребляли прижиганіе для вскрытія венозныхъ сосудовъ. И эта операція, не смотря на подробное ея описаніе какъ въ Аюрведахъ, такъ и у Гиппократидовъ, остается мнѣ непонятною по цѣли, которой они предполагали достигнуть, исключая развѣ лѣченія varices венозныхъ стволовъ.

Сравнивая обѣ школы относительно ихъ взглядовъ на прижиганіе, нельзя не замѣтить, что Индусы благосклоннѣе смотрѣли на лѣченіе посредствомъ cauterii actualis, чѣмъ Гиппократиды. Вообще замѣтно у Гиппократидовъ, если не полное отвращеніе къ хирургическимъ пріемамъ, то весьма сдержанная терпимость хирургическаго лѣченія. Такимъ образомъ Гиппократъ жестоко издѣвается надъ врачами Книдской школы за ихъ слишкомъ усердное употребленіе прижиганія при лѣченіи плевритическихъ экссудатовъ и вообще при лѣченіи экссудатовъ какихъ-бы то ни было оболочекъ. Онъ представляетъ яркую картину больныхъ, вышедшихъ изъ рукъ книдскихъ врачей, послѣ лѣченія воспаленія плевры. Гиппократъ изображаетъ этихъ больныхъ истощенными, словно вышедшими изъ гробовъ; а главное,—испятнанными слѣдами ожоги, *обезображенными*. Прошу запомнить это выраженіе. Гиппократъ и его послѣдователи всѣми средствами *избѣгали обезображенія больныхъ*, ибо они, т.-е. Гиппократиды, болѣе находились подъ вліяніемъ греческаго культа прекрасной формы чѣмъ напримѣръ ихъ современники, врачи книдской школы, а тѣмъ паче индусскіе врачи Аюрведъ, считавшіе тѣлесную форму, вообще матеріальную часть человѣка, за ничто.

Это многое должно намъ объяснить въ разницѣ взглядовъ Аюрведъ и Гиппократидовъ на хирургію.

Въ Аюрведахъ хирургія, въ особенности акіургія, процвѣтала болѣе чѣмъ у Гиппократидовъ; у послѣднихъ въ особенности была въ почетѣ консервативная хирургія. А поэтому, Гиппократиды были по преимуществу десмурги; въ Аювердахъ болѣе развита акіургія.

Къ отдѣлу малой хирургіи древнихъ необходимо причислить и акупунктуру. Тѣ и другіе, Индусы и Эллины, хорошо знали ея употребленіе и въ какихъ случаяхъ. Вся разница между Аюрведами и Гиппократидами та, что въ Аюрведахъ къ акупунктурѣ причисляется прободеніе ушныхъ мякишей для вдѣванія серегъ. Это очевидно происходитъ отъ того, что Эллины серегъ не употребляли. Но Аюрведы настойчиво говорятъ, что самый процессъ прободенія ушей, равно и ношеніе серегъ весьма часто употреблялось ими не съ одною цѣлью украшенія, но явно и съ врачебною цѣлью, какъ средство, по ихъ понятіямъ, отвлекающее *флегму* отъ головы, напримѣръ у золотушныхъ. При чемъ совѣтуется особый методъ лѣченія при разныхъ осложненіяхъ, могущихъ произойти вслѣдъ за прободеніемъ уха; различнаго рода лигатуры, умащенныя лѣкарственными средствами. Не понятно почему у Индусовъ мальчики носили серьгу на правомъ ухѣ, а дѣвочки на лѣвомъ (см. Sutrast' hana, гл, XVI). Еще удивительнѣе то обстоятельство, что въ той же главѣ XVI Sutrast' hana, гдѣ описывается прободеніе ушей (т. е. въ отдѣлѣ главныхъ медицинскихъ началъ), подробно описываются двѣ пластическія операціи labioraphia и rhinoplastica, лѣченіе заячьей губы и волчьяго зѣва. Вотъ это замѣчательное мѣсто.

„Взявъ мѣрку носа посредствомъ листочка какого-нибудь растенія, только-что пробившагося изъ земли, приложивъ

этотъ листокъ на щеку соотвѣтствующей стороны, врачъ неглупый (мудрый), пусть вырѣжетъ изъ щеки лоскутъ, и, схвативъ за кончикъ оставшагося носа, края его да обрѣжетъ (обрѣетъ) и какъ можно скорѣе къ нимъ прикрѣпитъ приспособленными швами. Носъ какъ слѣдуетъ перевяжетъ помощью двухъ тростниковъ, вставленныхъ въ ноздри, приподниметъ и смажетъ части умащеніями изъ pterocarpi santalini и изъ солодковаго корня. Когда носъ закроетъ хлопкомъ, то слѣдуетъ совершенно его смочить бѣлымъ растительнымъ масломъ изъ маслянистыхъ растеній и смачивать какъ можно чаще“.

„Когда уже совершится слипчивое сращеніе, то слѣдуетъ опять перерѣзать средину (перемычку) листка (лоскута). Въ случаѣ не хватаетъ мяса (плоти или мягкихъ частей), пусть врачъ снова натягиваетъ эту плоть; если лоскутъ слишкомъ великъ, то пусть уравняетъ его“.

Оканчиваетъ Dhanvantari это мѣсто такимъ восклицаніемъ, что

„Тотъ врачъ, который знаетъ способъ какъ возстановлять губы и носъ, производя соединенія тканей на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ недостаетъ у младенцевъ, тотъ можетъ дѣлать царей“.

Не смотря на высокое значеніе, придаваемое индусскими врачами этимъ пластическимъ операціямъ, они считали эти операціи — какъ выражаются французскіе врачи — opérations de complaisance et non pas de necessitè. И вотъ почему эти двѣ довольно важныя операціи, по тогдашнему состоянію физіологическихъ познаній, въ Аюрведахъ отнесли къ простому прободенію ушей для ношенія украшеній. Индусскій врачъ видимо соглашался похлопотать объ уничтоженіи безобразія въ силу неотступныхъ просьбъ родителей некрасиваго ребенка; но, какъ индусскій философъ, онъ считалъ такую заботу о формѣ лица не болѣе какъ за прихоть туалетную.

Необходимо также отнести къ отдѣлу малой хи-

ургіи и употребленіе промывательнаго, clysmata. Въ нашей современной малой хирургіи мы знаемъ одинъ только способъ употребленія *ennematum*, это введеніе жидкости посредствомъ извѣстныхъ сприцовъ, ирригаторовъ и т. д. У древнихъ дѣйствіе на прямую кишку подъ рубрикой ennematum принималось въ трехъ видахъ: a) умащеніе стѣнокъ прямой кишки посредствомъ введеннаго туда пальца хирурга, пальца, намазаннаго такимъ-то, или другимъ лѣкарственнымъ масломъ. b) Употребленіе suppositoriorum. и c) собственно употребленія ennematum per tubulos.

Къ сожалѣнію я не могу, за неимѣніемъ времени и мѣста, подробно описать этого способа лѣченія сравнительно у Индусовъ и у Гиппократидовъ. Ограничусь только однимъ указаніемъ: что у обоихъ народовъ снарядомъ для промывательнаго служили разныя животныя ткани: требуха жвачкожующихъ, или мочевые пузыри остальныхъ животныхъ. Эти пузыри или мѣшки снабжались трубками изъ тростника, изъ рога, изъ слоновой кости. Были металлическіе наконечники изъ свинца, олова, серебра и даже золота. У Индусовъ такіе наконечники иногда украшались разными драгоцѣнными камнями, которымъ приписывалось то или другое цѣлебное свойство.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію ученія въ обѣихъ школахъ *о десмургіи*.

Какъ мы сказали выше, *десмургія* гораздо полнѣе разработана у Гиппократидовъ, чѣмъ въ Аюрведахъ. Въ этомъ отношеніи, въ письменныхъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ отъ Грековъ, имѣются драгоцѣнныя данныя въ пользу того, на какую высоту Гиппократиды подняли науку о повязкахъ. Спѣшимъ оговориться: подъ словомъ *десмургія* древнихъ мы разумѣемъ не одно только ученіе о перевязкѣ ранъ, но

все громадное ученіе о вправленіи переломовъ и вывиховъ.

Такая рѣзкая разница между Индусами и Эллинами относительно высоты ученія о перевязкахъ, переломахъ, вывихахъ и вообще о лѣченіи разныхъ искривленій, какъ мы сказали, лежала въ бытовомъ различіи обоихъ народовъ.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ читателю древнихъ авторовъ необходимо отрѣшиться отъ своихъ современныхъ взглядовъ и на время постараться встать на почву давно вымершаго народа; встать на его точку зрѣнія, чтобы понять глубокую связь между идеями, дошедшими до насъ въ письменныхъ памятникахъ, и всѣмъ образомъ жизни всего народа.

Мы сказали, что характеристикой древнихъ Грековъ былъ культъ прекраснаго — въ смыслѣ пластики — человѣческаго тѣла. На сколько было сильно поклоненіе прекрасной формѣ, мы видимъ изъ того, что это чувство прекраснаго было прирожденное даже у послѣдней торговки на аѳинскомъ рынкѣ, — у прозванной Аристофаномъ въ насмѣшку σπερμαγοραιολεκιθολαχανοπολις, т. е. торговка бобами и горохомъ. Даже и такая торговка являлась строгимъ, неумолимымъ и всегда вѣрнымъ критикомъ выставляемыхъ произведеній ваятельнаго искусства. То-же самое мы видимъ и теперь въ простомъ народѣ въ Италіи относительно живописи. На картинныхъ выставкахъ является какой-нибудь оборвышъ, pifferari, и его сужденіе о выставленныхъ произведеніяхъ необыкновенно мѣтко и вѣрно. Во всякомъ случаѣ у этого pifferari несравненно болѣе художественнаго чутья, чѣмъ у нашихъ меценатовъ, quasi любителей искусства и покровителей художниковъ. Ни одному pifferari не придетъ въ голову заказать живописцу картину, изображающую старца, разсуждающаго о суетѣ мірской;

или заказать музыканту-композитору музыкальную симфонію, описывающую корабль на волнахъ океана, но чтобы корабль непремѣнно былъ съ краснымъ флагомъ,—вещи, сплошь и рядомъ случающіяся съ нашими pseudo-любителями искусства, не идущими дальше фотографическаго производства въ своихъ понятіяхъ.

У Грековъ культъ прекраснаго еще болѣе былъ развитъ чѣмъ у Италіянцевъ. У древнихъ Грековъ этотъ культъ былъ основаніемъ и послѣдствіемъ ихъ религіи. Вотъ почему ни у одного народа мы не находимъ такой заботы на счетъ правильнаго развитія всѣхъ частей тѣла у дѣвушекъ и у юношей, какъ это мы встрѣчаемъ у древнихъ Грековъ. Первымъ условіемъ всяческаго воспитанія у Эллиновъ было правильное развитіе тѣла. In corpore sano—mens sana. Для этой цѣли основаны были особыя учебныя заведенія — гимназіи; создана была особая наука — гимнастика, которую преподавали спеціалисты по этой части — *гимнасты*. Въ этихъ заведеніяхъ, на основаніи извѣстныхъ правилъ, выведенныхъ изъ опыта, придавалась извѣстная форма тѣлу юношей, стараясь по возможности приближаться къ идеальной красотѣ. То, что̀ мы теперь видимъ, достигается англійскими тренерами относительно формъ и качествъ у скаковой лошади, — то же самое достигалось относительно юношей гимнастами. Слишкомъ тучныя формы тѣла заставляли худѣть до извѣстной степени; слишкомъ худощавые — заставляли полнѣть. Мускулатура развивалась по мѣрѣ потребностей и разныхъ цѣлей. Грудныя клѣтки расширялись и легкія получали болѣе удобное помѣщеніе, и т. д. Все это достигалось путемъ упражненій, извѣстнаго рода пищи и питья, извѣстнаго образа жизни. Такимъ образомъ гимнасты создали двѣ науки, высоко-процвѣтавшіе у древнихъ: *гигіену* и *діэтетику*. Но, такъ-какъ при гимнастическихъ упражненіяхъ увлекающееся юношество легко подвергалось поврежденіямъ членовъ, а именно—переломамъ и вывихамъ, то гимнасты, по необходимости, должны были сперва ознакомиться съ извѣстными отдѣлами анатоміи, именно: съ остеологіей, синдесмологіей и міологіей; а затѣмъ, должны были выработать правильное ученіе о переломахъ и вывихахъ. Само-собою разумѣется, что Гиппократиды не могли оставаться безучастными зрителями того, какъ простые гимнасты вторгались въ область медицины. И вотъ причина, почему ни въ одномъ народѣ врачи не обращали такого вниманія на гигіену, діэтетику и *десмургію*, какъ у Эллиновъ.

Десмургію древнихъ необходимо раздѣлить на двѣ главныя части: 1) ученіе о перевязкѣ ранъ и 2) ученіе о переломахъ и вывихахъ.

Первая часть въ Аюрведахъ полнѣе разработана чѣмъ у Гиппократидовъ. Вообще военная медицина въ Аюрведахъ составляетъ цѣлый, правильно установленный отдѣлъ, о которомъ будетъ сказано дальше. У Гиппокрадитовъ перевязка ранъ далеко не такъ выработана, какъ у Индусовъ. А что касается до лѣченія стрѣльныхъ ранъ, то Гиппократиды далеко отстали въ этомъ отношеніи отъ Индусовъ. Въ одномъ мѣстѣ цикла Гиппокрадитовъ имѣется совѣтъ молодымъ врачамъ, желающимъ изучить лѣченіе стрѣльныхъ, колотыхъ и рубленыхъ ранъ, отправляться къ наемнымъ войскамъ. Это выраженіе «наемныя войска» потому употреблено гиппократическимъ писателемъ, что въ обыкновенное время греческія республики или вовсе не держали войска изъ своихъ гражданъ, или держали его въ маломъ количествѣ. Онѣ поступали въ этомъ случаѣ такъ же какъ теперь дѣлаетъ Англія; онѣ содержали наемныя войска для защиты своихъ колоній и мер-

кантильныхъ интересовъ. Греческіе граждане вооружались поголовно въ томъ только случаѣ, когда опасность угрожала метрополіи или отечеству. У Индусовъ было постоянное войско, составлявшее даже касту. А поэтому и требовался особый военно-медицинскій персоналъ съ особою подготовкой.

Понятно, что ученіе о ранахъ у Гиппократидовъ отрывочно и разбросано. За то ученіе о переломахъ, вывихахъ и искривленіяхъ весьма полно.

Гиппократъ весьма строго опредѣляетъ три момента при лѣченіи переломовъ длинныхъ костей. 1) Вправленіе перелома. 2) Удержаніе вправленныхъ костей въ правильномъ положеніи до ихъ срощенія. 3) Лѣченіе осложненій. Основнымъ правиломъ всяческаго вправленія перелома было: придаваніе страждущей части по возможности правильнаго положенія въ моментъ вправленія, и наблюденіе за правильнымъ вытяженіемъ и противу-вытяженіемъ переломанныхъ концовъ — extensio et contra-extensio. Эта extensio et contra-extensio могла быть временная, т.-е. въ моментъ вправленія, и постоянная въ теченіе всего періода заживанія. Не стану говорить о придуманныхъ Гиппократидами способахъ достиженія этихъ различныхъ цѣлей. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ рисунковъ, припечатаны въ различныхъ теперешнихъ руководствахъ хирургіи; повторяю: къ сожалѣнію, только нѣкоторые методы вправленій Гиппократа; ибо весьма много описанныхъ имъ способовъ были не поняты не только послѣдующими ближайшими поколѣніями, но и нашими современниками. Въ этомъ отношеніи современной хирургіи несомнѣнную услугу оказалъ послѣдній толковый издатель твореній Гипократидовъ Литтре. Ему удалось строго-критическимъ разборомъ текста, возсоздать превосходныя идеи Гиппократа относительно лѣченія

переломовъ. Возьмемъ для примѣра мѣсто у Гиппократа, составлявшее предметъ нескончаемыхъ споровъ между врачами,—предметъ отчаянія Галлена въ томъ, что врачи не хотятъ понять правильно, весьма простаго снаряда Гиппократа. Дѣло идетъ о переломѣ костей голени (въ особенности о косомъ переломѣ). При наклонности переломленныхъ костей голени постоянно смѣщаться послѣ коапстаціи, уже въ тѣ времена были вызваны старанія хирурговъ производить на голень постоянныя extensio et contra-extensio. Въ современной хирургіи существуетъ цѣлая масса предлагаемыхъ способовъ: блоки, наклонныя плоскости, hyponarthecia Mayor'a, и т. д. Безспорно, всѣ средства прекрасныя. Но, спрашивается: въ большинствѣ случаевъ примѣнимы ли они? Нѣтъ. Ихъ примѣненіе весьма удобно въ клиникахъ, гдѣ у врача всѣ эти средства имѣются подъ рукою. Въ обыкновенной практикѣ останавливаетъ врача и больнаго или дороговизна снаряда, или невозможность его достать за удаленіемъ мѣстности происшествія отъ университетскихъ центровъ. Исключеніе существуетъ развѣ только относительно hyponarthecia Mayor'a.

Снарядъ Гиппократа тѣмъ именно и хорошъ, что вы его можете добыть въ каждой деревнѣ. Главныя его составныя части состоятъ изъ двухъ кожаныхъ колецъ, съ придѣланными, по два съ каждой стороны, гнѣздами изъ крѣпкой кожи; и изъ четырехъ упругихъ палочекъ, будетъ ли то камышъ, кизилъ, и т. п. Палочки должны быть длиннѣе самой голени. Надѣвъ одно кольцо на голень подъ колѣнку, а другое на ту же голень выше щиколодки, сгибаютъ палочки и вставляютъ ихъ между кольцами, укрѣпляя въ соотвѣтствующія гнѣзда по двѣ палочки съ каждой стороны. Очевидно, что палочки, стремясь выпрямиться, будутъ удалять другъ отъ друга надѣтыя на голень кольца,

и будутъ такимъ образомъ производить extensionem и contra-extensionem. Этотъ простой снарядъ, описанный Гиппократомъ въ его трактатѣ περὶ ἁγμῶν, служилъ долгое время камнемъ преткновенія, разнымъ комментаторомъ. (См. περὶ ἁγμῶν § 30. editio Littre, p. 518). «Вмѣсто этого» (Гиппократъ выше только-что упомянулъ о привычкѣ нѣкоторыхъ врачей привязывать концы голени къ постели):

„Прикажите сшить два кожанныхъ кольца изъ египетской опойки, на подобіе тѣхъ подкандальниковъ, которые надѣваются подъ кандалы лицами, долго носящими тяжелыя цѣпи. Опойка сшивается такимъ образомъ, что съ каждой стороны каждый кружекъ представитъ по выемкѣ, одну—обращенную къ колѣнкѣ, а другую—къ стопѣ. Эти кружки будутъ довольно объемисты въ толщину, довольно мягки, и чтобы плотно прилегали одинъ надъ щиколодками, другой подъ колѣномъ. Съ боковъ и на выступѣ нижній кожаный кружекъ долженъ имѣть два гнѣзда, пришитые къ кружку въ качествѣ придатковъ и сдѣланныхъ изъ ремня простаго, или двойнаго; эти гнѣзда должны быть не глубоки, въ родѣ петель, и должны помѣщаться одинъ надъ щиколодкой, а другой подъ щиколодкой съ каждой стороны, соотвѣтственно колѣну. На верхнемъ кружкѣ должны быть устроены подобныя гнѣзда, соотвѣтственно нижнимъ. За тѣмъ берутъ четыре палочки изъ кизиля, одинаковой величины, толщиной въ палецъ, а длиной такія, чтобы не иначе могли входить въ гнѣзда, какъ немного согнутыми. Врачъ долженъ стараться чтобы концы палочекъ не упирались въ тѣло, а въ кружечки. Необходимо имѣть по крайней мѣрѣ три перемѣны такихъ палочекъ и даже болѣе,—однѣ длиннѣе, другія короче и тоньше,—дабы имѣть возможность по своему желанію увеличивать или уменьшать разстояніе“.

Я не перечисляю всѣхъ способовъ, употребляемыхъ Гиппократидами для вправленія не только переломовъ, но и вывиховъ, и дѣлаю это съ крайнимъ сожалѣніемъ; ибо, по истинѣ, эти мѣста одни изъ самыхъ поучительныхъ изъ всего, оставшагося отъ Гиппократидовъ. Не говоря о ихъ способѣ вправленія, производящемъ extensionem et contra extensionem простыми средствами, при помощи бинтовъ, простыхъ рычаговъ, балки подложенной подъ кровать, или упора концами рычаговъ въ ступицу отъ колеса; не говоря о томъ, что многоглавая повязка при переломахъ напрасно присвоена себѣ Скультетомъ, она положительно изобрѣтена Гиппократидами; не говоря о точномъ и правильномъ употребленіи не только шинъ при переломахъ, но разныхъ лонгетовъ и компрессовъ для выполненія выемокъ, встрѣчаемыхъ въ наружной части конечностей; я долженъ отказаться и отъ описанія механургіи древнихъ Эллиновъ, дошедшей у нихъ при лѣченіи переломовъ до замѣчательнаго совершенства.

Осложненные переломы разрывомъ мягкихъ частей они тоже лѣчили, стараясь оставлять въ повязкѣ окошко для наблюденія и врачеванія раны. При выхожденіи концевъ костей Гиппократиды старались вправить выступающія кости, или удаляли эти кости посредствомъ резекціи.

Въ Аюрведахъ несомнѣнно ясно описаны extensio et contra-extensio. Говорится о перевязкѣ переломовъ, но эта перевязка совершалась иначе чѣмъ у Гиппократидовъ. У Индусовъ главнымъ матеріаломъ для перевязки служили: древесная кора и гибкія древесныя вѣтви, т.-е то же что мы видимъ теперь у Арабовъ и у разныхъ азіатскихъ народовъ. Въ Аюрведахъ, какъ и у Гиппократидовъ, прибѣгали къ резекціи концовъ костей при осложненномъ переломѣ.

Но у Гиппократидовъ не видно даже попытки прибѣгать къ ампутаціи. Въ Аюрведахъ въ одномъ мѣстѣ говорится объ ампутаціи не только циркулярной, но и съ лоскутомъ. Главная причина, почему древніе врачи, въ особенности Греки, уклонялись отъ ампу-

тацій, былъ недостатокъ ихъ свѣдѣній въ гемостатикѣ. Хотя Аюрведы въ этомъ отношеніи пользовались болѣе богатымъ арсеналомъ средствъ гемостатическихъ; но они, во многихъ мѣстахъ говорятъ съ какимъ-то страхомъ о могущемъ произойти кровотеченіи, обморокѣ и даже смерти послѣ мало-мальски важныхъ операцій. Неумѣніе ихъ перевязывать артеріи видимо парализировало ихъ.

Гиппократиды не только во вправленіи переломовъ, но и во вправленіи вывиховъ значительно пошли дальше Аюрвидъ. У Гиппократидовъ вездѣ проглядываетъ довольно точное знаніе анатомическихъ соотношеній частей пострадавшихъ. Способы вправленія у нихъ правильнѣе, чѣмъ въ Аюрведахъ. Въ Аюрведахъ напримѣръ вправленіе вывиха верхняго конца плеча или ключицы совѣтовали производить посредствомъ пестика отъ ступки, стараясь насильственно втолкнуть головку вывихнутой кости въ ея членоидальное вмѣстилище. Далѣе лѣченіе, послѣдующее за вправленнымъ вывихомъ, у Гиппократидовъ подробно разработано. Въ Аюрведахъ едва сдѣланы на него намеки.

Лѣченіе искривленій, не только позвоночника, но и стопы, отлично разработано у Гиппократидовъ, чего не можемъ сказать объ Аюрведахъ. Однимъ словомъ, Гиппократиды, какъ костоправы, гораздо выше индусскихъ врачей Аюрведъ.

За то акіургія гораздо лучше разработана въ Аюрведахъ, чѣмъ у Гиппократидовъ. Мы впрочемъ должны оговориться насчетъ Гиппократидовъ. Многое изъ сочиненій школы Гиппократа до насъ не дошло. И, можетъ быть, если бы сохранились эти сочиненія, мы бы должны были во многомъ перемѣнить наше мнѣніе. Но, съ другой стороны, постоянно холодное отношеніе Гиппократидовъ къ хирургіи, подъ-часъ принимаетъ даже характеръ презрѣнія къ акіургіи. То

совѣтуется молодымъ людямъ отправиться къ наемнымъ войскамъ, буде эти юноши пожелаютъ изучить хирургію; то даже берется съ молодаго врача клятвенное обѣщаніе не заниматься литотоміей, а предоставлять этого рода занятіе тѣмъ людямъ, замѣтьте, а не врачамъ, которые могутъ такимъ дѣломъ заниматься. Далѣе, кровавый шовъ былъ малоизвѣстенъ Гиппократидамъ. Въ одномъ мѣстѣ у Гиппократидовъ говорится, что не слѣдуетъ давать слабительнаго въ случаѣ наложенія шва на кишечный каналъ. За то въ нѣсколькихъ мѣстахъ повторяется, что раны кишекъ заживить нельзя. Въ другомъ мѣстѣ при вырываніи полипа изъ полости носа, въ случаѣ слишкомъ большаго объема полипа, предполагается разщепить соотвѣтствующую ноздрю, затѣмъ прижечь края раны (?), *зашить*, а потомъ все-таки лѣчить такъ какъ лѣчили Эллины всѣ раны, прикладывая поочередно мази, содержащія мѣдныя и подъ конецъ свинцовыя соединенія. Такъ что все-таки была не prima, а secunda intentio. Вотъ все, что извѣстно о кровавыхъ швахъ у Гиппократидовъ.

Въ V главѣ Sutrast'hana говорится, что каждый врачъ желающій оперировать, обязанъ заранѣе приготовить: разные инструменты, ножи; прижигающее вещество (ѣдкое кали): прижигало (cauterium actuale) турунды, банки, піявки, рожки, Eugenia jambu, для моксы, волокна ваты, erioxylon hossypeum, ветошь, нитки, листья, бинты, медъ, коровье масло очищенное и топленое, жиръ (adeps), вареное масло съ сѣменами sesami orientalis, кунжутнымъ сѣменемъ; мази мягчительныя и стягивающія; экстракты, опахало (вейеръ), холодную и теплую воду, жаровню и проч., слугъ пріятныхъ, стойкихъ, непоколебимыхъ.

Всѣ свои акіургическія дѣйствія Индусы подводили подъ слѣдующія восемь группъ: разрѣзъ, резекція, ска-

рификація, уколъ, изслѣдованіе зондами, извлеченіе (инородныхъ тѣлъ), отвлеченіе, и образованіе швовъ. Для достиженія этихъ разнообразныхъ цѣлей они имѣли и соотвѣтствующій хирургическій арсеналъ. Такимъ образомъ однихъ ножей у нихъ насчитывалось до двадцати сортовъ. Ножи обозначались по сравненію ихъ сходства съ разными предметами. Такимъ образомъ у нихъ были: ножи мечевидные, пилообразные, похожіе на прямые листья, ногтеобразные, кольцевидные, походящіе на листъ лопуха, до половины заостренные, иглообразные, и т. д. Предъ употребленіемъ этихъ ножей ихъ обмакивали въ одну изъ трехъ жидкостей: или въ щелокъ, или въ воду, или въ вареное кунжутное масло, ol. sesami orientalis, (см. глава VII Sutrast'hana).

Кромѣ этого отдѣла ножей, въ Аюрведахъ упоминается о слѣдующихъ инструментахъ, которыхъ они насчитываютъ до 101. «Изо всѣхъ же лучшій инструментъ есть рука», прибавляютъ Аюрведы. Эти инструменты, главнѣйшимъ образомъ, назначались для изслѣдованія и лѣченія стрѣльныхъ ранъ. Эти инструменты въ Аюрведахъ дѣлятся на 6 группъ: *когтеобразные*, *корнуцанги* (клещи), *пальмовидные*, *трубчатые*, *крючко-образные*, и второстепенные инструменты.

Всѣ они дѣлались изъ желѣза (стали).

Когтеобразные дѣлались въ 18 поперечныхъ пальцевъ длиною и представляли сходство съ пастью того или другаго звѣря, или съ клювомъ какой-нибудь птицы. Такимъ образомъ, начиная съ формы пасти льва и клюва цапли, тутъ встрѣчались весьма разнообразные виды орудій, служившихъ для извлеченія глубоко засѣвшихъ инородныхъ тѣлъ, въ особенности стрѣлъ, изъ раны.

Два рода корнуцанга или клещей, зубчатые или безъ зубовъ, длиною въ 16 поперечныхъ пальцевъ, тоже

служили для извлеченія стрѣлъ, неглубоко засѣвшихъ въ мягкія части. Два пальмообразные корнуцанга, длиною въ ладонь, служили для извлеченія стрѣлъ изъ ушей и изъ полости носа.

Трубчатые инструменты были весьма разнообразно устроены. Трубки, имѣющія на концѣ своемъ одно или два отверстія, употреблялись для извлеченія занозъ, колосьевъ изъ ушей, для изслѣдованія полостей, для впрыскиванія лѣкарствъ, и т. д. Къ нимъ относятся трубчатые инструменты, служившіе у Индусовъ для операцій заднепроходнаго свища, геммороидальныхъ опухолей (собственно speculum ani), для операцій надъ брюшною полостью; надъ полостью мочеваго пузыря; для производства парацентезиса, какъ для выведенія изъ полости брюшины жидкаго эксудата, такъ и для выведенія газовъ изъ чрезмѣрно-растянутой кишки.

Крючковатые инструменты заключались въ весьма разнообразныхъ орудіяхъ. Въ томъ числѣ къ этой группѣ причислялись разныя ложки для употребленія лѣкарствъ, и т. д.

Къ второстепеннымъ орудіямъ-снарядамъ относились собственно перевязочныя средства, какъ-то: веревки, плетеный конскій волосъ, бинты, ремни, древесная кора, тряпки, молотки, и т. д.

Посредствомъ этихъ разнообразныхъ рѣжущихъ и колющихъ орудій хирурги Аюрведъ производили весьма разнообразныя операціи, которыя они подводили подъ восемь главныхъ группъ:

1) *Разрѣзы* употреблялись: въ операціи (см. гл. XXV Sutrast'hana) заднепроходнаго свища; вскрытіе нарыва; при вырѣзываніи меланотической опухоли; при свищахъ ранъ и язвъ, и т. д.

2) *Отрѣзываніе* разныхъ опухолей (вылущеніе).

3) *Насѣчки*: при воспаленіи шеи, гортани, зубной боли, гипертрофіи языка, и т. д.

4) *Прокалываніе*: прокалывались сосуды; прокалываніе употреблялось при растяженіи мочеваго пузыря мочею; при водянкѣ брюшной.

5) *Изслѣдованіе* помощью турунды, или зонда свищевыхъ ходовъ и глубокихъ ранъ и язвъ.

6) *Извлеченіе* трехъ родовъ сростковъ или камней: зубнаго виннаго камня; ушныхъ стростковъ; мочеваго камня; стрѣлъ; мертваго младенца; затвердѣвшаго кала изъ прямой кишки.

7) *Отвлеченіе* въ разныхъ болѣзняхъ, гдѣ предполагалось зараженіе крови или животнымъ ядомъ, или болѣзненнымъ ядомъ.

8) *Зашиваніе* въ чистыхъ ранахъ, гдѣ не было употреблено прижиганій ни ѣдкими веществами, ни прижигаломъ, и не содержащихъ въ себѣ никакого посторонняго тѣла. Для кроваваго шва употреблялись нитки изъ волоконъ корня Oxalidis, или пеньковыя или изъ льна, или изъ сухожилій; даже изъ конскаго волоса. Швы были двухъ родовъ: извилистый (скорняжный шовъ), или перерывчатый (наподобіе tunnae ledrelae). Въ мѣстахъ съ малой мускулатурой (немясистыхъ), употреблялась круглая игла въ два большихъ пальца длины въ) 2″). *Трехгранныя игла*, въ три дюйма длины, употреблялась въ мѣстахъ болѣе мясистыхъ. Игла загнутая назначалась для сшиванія внутренностей, какъ напр. матки. Эти иглы должны были обладать безупречнымъ остріемъ. Врачъ долженъ былъ вонзать иглу ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко отъ краевъ раны. Затѣмъ, зашитая рана покрывалась корпіей или ватой, или-же смазывалась лѣкарственными умащеніями; или наконецъ, присыпалась бальзамическими порошками вплоть до заживленія.

Далѣе, въ той-же главѣ, предупреждается, что врачъ, незнакомый съ употребленіемъ этихъ хирургическихъ орудій, пусть лучше до нихъ не касается, какъ до огня, и до яда. «Ибо», говорится дальше, «глупый человѣкъ вмѣсто пользы можетъ причинить страшныя страданія, и самую смерть».

Если мы остановились на описаніи хирургическаго арсенала Индусовъ болѣе, чѣмъ то предполагалось по нашему плану, то это произошло отъ нашего желанія подтвердить выше выраженное мнѣніе, что хирурги въ Аюрведахъ были болѣе склонны къ занятіямъ акіургическимъ чѣмъ Гиппократиды. Мы вовсе не желаемъ этимъ сказать, что у Гиппократидовъ не процвѣтала акіургія; но она является болѣе ограниченною извѣстными только случаями, чѣмъ у Индусовъ. Гиппократиды, напр., пошли дальше Индусовъ относительно раненія черепныхъ костей и костей вообще. Гиппократиды тщательно разработали операцію трепана и ея показанія. Не менѣе тщательно разработали они операцію торацентеза при эмпіемѣ; они охотно производили парацентезисъ при брюшной водянкѣ; они превосходно развили операціи надъ разными свищами, въ особенности прямой кишки. Но, напр. торацентезисъ и парацентезисъ они охотнѣе производили не ножемъ, а прижигаломъ. Наконецъ когда вспомнишь то мѣсто Гиппократидовъ, гдѣ описывается какъ врачъ сидитъ спокойно передъ больнымъ, страдающимъ омертвѣніемъ голени, сидитъ цѣлые мѣсяцы и ждетъ..... пока цѣлая голень сама не отвалится, то, воля ваша, а предпочтешь болѣе смѣлые и рѣшительные пріемы Индусовъ. Самое участіе хирурга ножемъ при отдѣленіи омертвѣлой части, если только онъ на это рѣшался, обставлялось у Эллиновъ такими условіями, что успѣхъ былъ сомнителенъ. При такихъ случаяхъ Гиппократиды совѣтова-

ли избѣгать здоровыхъ частей, а производить разрѣзъ въ частяхъ, хотя еще не омертвѣлыхъ, но сосѣднихъ cum linea demarcationis и пораженныхъ воспалительнымъ процессомъ. Хирурги Аюрведъ прямо совѣтуютъ выкраивать достаточную покрышку конца отпиленной кости въ частяхъ совершенно здоровыхъ. У Индусовъ главная забота, чтобы хватило достаточно мягкихъ частей для образованія культи и совершеннаго закрытія кости.

Въ Аюрведахъ имѣется особая глава объ обязанностяхъ главнаго врача въ станѣ войска, объ обязанностяхъ младшихъ врачей и ихъ служителей (фельдшеровъ), состоящихъ при войскѣ. (См. гл. XXXIV отдѣла Sutrast'hana). Вся эта глава написана слоками (стихами). Языкъ архетипный, и мысли высказаны какъ-бы афоризмами. Видимо что Dhanvantari приводитъ сохранившіяся у него на памяти парадигмы изъ болѣе древней медицины. Изъ этого древняго отголоска выходитъ, что военно-врачебный персоналъ состоялъ при войскѣ изъ главнаго врача, архіятра, врачей обыкновенныхъ и ихъ служителей. Обязанность военнаго архіятра заключалась въ неусыпной заботливости объ охраненіи здоровья начальника войска, царя, отъ всѣхъ могущихъ быть попытокъ противу его жизни. «Ибо», сказано въ Аюрведахъ, «непріятель всѣми силами будетъ стараться вредить главѣ войска, т.-е, его царю. Для этой цѣли», говорятъ Аюрведы, «непріятель можетъ сдѣлать опасными дороги, пищу, питье, тѣнь (?), и топливо для огня». Вредить посредствомъ тѣни составляло глубокое вѣрованіе древнихъ Индусовъ и всецѣло перешло въ преданіе различныхъ народовъ Индо-германскаго племени. Такимъ образомъ нашъ простой народъ вѣритъ тому, что вѣдьмамъ можно было на людей наводить тѣнь, при чемъ народъ представляетъ себѣ вѣдьму съ при-

поднятыми руками и растопыренными пальцами, въ положеніи магнетизера; и народъ вѣритъ тому, что такимъ образомъ наносится вредъ человѣку, особенно спящему.

Обязанность архіятра заключалась такимъ образомъ въ постоянной заботѣ о военачальникѣ; а потому остальные больные изъ войска ни въ какомъ случаѣ не допускались до архіятра, дабы его не отвлекать отъ его обязанностей. Мѣстопребываніе архіятра полагалось постоянно днемъ и ночью, непосредственно возлѣ военачальника. Палатка его помѣщалась смежно съ палаткой военачальника, и, дабы оградить архіятра отъ постороннихъ посѣтителей, то водружалось знамя, или царскій значекъ передъ его палаткой.

Для остальнаго войска были назначаемы особые врачи со своими служителями, или помощниками. Аюрведы называютъ тремя необходимыми свѣтильниками, три требуемыя условія для удачи всякой операціи: оперирующаго хирурга, способнаго его помощника и благоразумнаго больнаго, помогающаго при совершаемой надъ нимъ операціи, по мѣрѣ силъ своихъ.

Военная хирургія у Индусовъ состояла, главнымъ образомъ, въ извлеченіи стрѣлъ изъ тѣла раненаго; въ лѣченіи ранъ колотыхъ, порѣзанныхъ и порубленныхъ. О стрѣльныхъ ранахъ имѣются двѣ главы XXIV и XXVII въ Sutrast'hana. Отчасти мы уже упомянули объ инструментахъ, служившихъ Индусамъ для извлеченія стрѣлъ. Но, въ изложеніи ученія о стрѣлахъ вообще, Аюрведы, оказывается, подъ словомъ *стрѣла* понимали не одно оружіе, употребляемое на войнѣ, но и всякое инородное тѣло встрѣчающееся въ тѣлѣ больнаго. Вслѣдствіе этого, въ общей части изложенія о стрѣлахъ, они принимали двѣ группы стрѣлъ. Одна группа стрѣлъ носила у нихъ названіе *стрѣлъ тѣлесныхъ*, по нашему органическихъ,

какъ-то: ногти, волосы, зубы, младенецъ въ утробѣ матери. Другая группа отрѣлъ въ Аюрведахъ носитъ названіе стрѣлъ *случайныхъ*. Эта послѣдняя группа *стрѣлъ* и содержитъ собственно ученіе о стрѣлахъ, какъ мы ихъ понимаемъ. Отъ корня sala, быстро идти, или sval, быстро двигаться, бѣжать, произошло слово salya, стрѣла. Съ такого словопроизводства начинается XXVI глава Sutrast'hana, трактующая о стрѣлахъ. Далѣе описывается различіе стрѣлъ, смотря по ихъ наконечникамъ, которые могли быть, или металлическіе, желѣзные, золотые, серебряные, оловянные, или деревянные, роговые, костяные. Но стрѣлы съ желѣзными наконечниками носили, по преимуществу, названіе, равнозначащее французскому *dard* и латинскому *telum*. Кромѣ того, такую стрѣлу называли «укротителемъ».

Кромѣ этихъ подраздѣленій, въ Аюрведахъ, стрѣлы военныя подраздѣляли на большія пернатыя и на малыя стрѣлы. Затѣмъ принимали въ разсчетъ направленіе движенія стрѣлы. Здѣсь индусскіе врачи принимали пять категорій, смотря по направленію движенія, а именно: вверхъ, внизъ, назадъ, извилисто, прямо. Далѣе исчисляются признаки скрывшейся стрѣлы въ тѣлѣ. Всѣ признаки подводятся подъ двѣ категоріи: общіе и частные.

Кромѣ способовъ извлеченія посредствомъ инструментовъ, врачи Аюрведъ допускали выхожденіе стрѣлы путемъ нагноенія. Здѣсь весьма интересно то обстоятельство, что тогдашніе врачи вѣрили въ возможность растворенія жала стрѣлы въ гною, если только это жало было металлическое. Отсюда и произошелъ древній методъ лѣченія стрѣльныхъ ранъ посредствомъ механическаго раздробленія самой стрѣлы внутри раны. Эта цѣль достигалась довольно сложнымъ оперативнымъ методомъ. Въ рану вводилось нѣчто въ родѣ

speculum, цилиндрической формы и, посредствомъ клещей, устроенныхъ на подобіе клюва цапли, старались раздробить инородное тѣло, а потомъ уже, извлечь его. Къ этому способу прибѣгали въ особенности тогда, когда жало стрѣлы представляло зазубрины, которыя, при извлеченіи, легко могли бы обусловить разрывъ мягкихъ частей. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, весьма важно было уничтожать зазубрины, приплюснувъ ихъ посредствомъ корнцанга.

Замѣчательно, что въ XXVII главѣ той же Sutrast'hana говорится объ употребленіи магнита для извлеченія стрѣлы изъ раны. А именно, сказано такъ:

„Попавшую стрѣлу прямо (перпендикулярно къ оси раненаго), не крѣпко засѣвшую, не пернатую, и если отверстіе раны довольно широко, то врачъ да извлекаетъ её (вѣроятно жало стрѣлы) магнитомъ.

Рекомендуется въ Аювердахъ хирургу, въ случаѣ затрудненнаго извлеченія стрѣлы, расширять ножемъ рану, или расширяющими инструментами-дилататорами, о которыхъ говорилось выше. Если стрѣла своимъ жаломъ засѣла крѣпко въ кости, то совѣтовалось употребить всѣ возможныя усилія для извлеченія. Но иногда засѣвшая въ кость стрѣла не поддавалась усиліямъ врача: тогда хирурги Аюрведъ прибѣгали къ отчаяннымъ способамъ для извлеченія стрѣлы. Въ Аюрведахъ постепенно переходятъ отъ описанія менѣе энергическаго метода извлеченія, къ болѣе энергическимъ средствамъ. Такимъ образомъ совѣтуютъ хирургу схватить ноги раненаго своими ногами и, посредствомъ инструмента, пробовать извлечь. Если этого недостаточно, то совѣтуютъ нѣсколькимъ лицамъ удерживать больнаго, пока хирургъ пробуетъ извлечь стрѣлу инструментомъ. Иногда и эти усилія оставались тщетны. Тогда совѣтовалось загибать металлическую стрѣлу крючкомъ, привязывать къ этому крючку

возжи, и, запрягши одну или нѣсколько лошадей, хлестать ихъ кнутомъ пока не совершится извлеченіе стрѣлы. Или, пригнувъ толстое дерево, привязывали конецъ его къ стрѣлѣ; затѣмъ опускали сукъ, который, выпрямляясь, вырывалъ такимъ образомъ крѣпко засѣвшую стрѣлу.

Читая тѣ строки, нельзя не вспомнить разные случаи, встрѣчавшіеся въ военно-хирургической практикѣ Амбруаза Паре. Въ особенности если припомните, почтенные сотоварищи, случай раненія лицевыхъ костей и верхней челюсти ударомъ копья. Древко копья переломилось у втулки самаго лезвея, и Амбруазъ Паре вынужденъ былъ вооружиться кузнечными клещами, упереться своимъ колѣномъ въ голову раненаго, и только такимъ образомъ удалось ему извлечь крѣпко засѣвшее лезвее въ кость. Понятно, что послѣ такого случая, Амбруазъ Паре вынужденнымъ нашелся изобрѣсть цѣлую машину для извлеченія лезвій стрѣлъ и копій. Въ этой машинѣ подъемный винтъ несравненно сильнѣе и лучше достигалъ своей цѣли, чѣмъ цѣлая упряжка, или пригнутое дерево Индусовъ.

Какъ-бы то ни было, мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи относительно того же вопроса у Гиппократидовъ. До насъ не дошли спеціальные ихъ трактаты о лѣченіи ранъ стрѣльныхъ.

Перевязка ранъ послѣ извлеченія стрѣлы въ Аюрведахъ описана простая. Но и тутъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, — главную роль играетъ коровье топленое масло, которымъ не только пропитывалась вата, корпія, но и щедро обливалось все раненое мѣсто. Для перевязки ранъ, (см. XVIII Sutrast'hana), употреблялось льняное полотно, шерстяныя ткани, шелковая матерія, нитки, бинты, кожа, внутренняя древесная кора, банки, нитки изъ древесной коры

(пальмовыя), и т. д. Самыя повязки были у нихъ весьма разнообразны. Они могли быть: овальныя, на подобіе канатовъ; крестообразныя (въ формѣ латинскаго X), обволакивающія, поддерживающія, и т. д.

Въ этомъ же отдѣлѣ изчерпываются всѣ роды занозъ и попавшихъ инородныхъ тѣлъ въ организмъ больнаго. Въ числѣ этихъ занозъ, инородныхъ тѣлъ, подъ названіемъ стрѣлы *salya*, какъ мы уже сказали выше, Индусы подразумѣвали и утробнаго младенца. Для врачей Аюрведъ утробный младенецъ, въ качествѣ инороднаго тѣла, могъ выходить изъ женщины или самопроизвольно, или же требовалось—для извлеченія этого инороднаго тѣла— помощь врачебнаго искусства. А поэтому, въ слѣдующей бесѣдѣ мы перейдемъ къ изслѣдованію акушерства какъ у Индусовъ, такъ и у Гиппократидовъ.

Б. Делонг.

Дозволено цензурой. Москва, 17-го октября 1877 года.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.